

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
часть 2
2019

VESTNIK RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya»

RSUH/RGGU BULLETIN. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Literary Theory:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Cultural Studies:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal: Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and cultural studies and oriental studies, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

Tel.: 8(495)250-6844

e-mail: domanskii@yandex.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включена: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала: Представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания, культурологии и востоковедения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания.

Продвижение эмпирически-ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: 8(495)250-6844

электронный адрес: domanskii@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. M. Arkadiev, Cand. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (deputy editor)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinskii, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, RAS Institute of Linguistics, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (deputy editor)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Université de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, PhD, Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, PhD, University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.Ye. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), PhD, Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Kraków, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor:

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, кандидат филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Московский государственный объединенный музей-заповедник, Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт культуры, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетиковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, Университет Сорбонны, Париж, Французская Республика

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, PhD, Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, PhD, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо, Болдер, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогова*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск:

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор (РГГУ)

Contents

Literary Theory

- Mikhail N. Darwin*
Images of sight and hearing in early Pasternak's lyrics
(toward an interpretation issue) 116
- Svetlana S. Boyko*
The motives of "the notes of an eyewitness"
in the Nina Pavlova's prose 128
- Elena I. Zeifert*
Artistic space in the modern Russian lyrics under the influence
of Chinese culture (based on the poetry of N. Azarova
and A. Skidan) 143
- Elena V. Novozhilova*
Contemporary review of the book of poems.
Genre and compositional aspects 156
- Yuri V. Domanskii*
From reputation to canonization. The case of Bob Dylan's Nobel 171

History

- Vera P. Budanova*
The Great Migration of Peoples. A historical experience
of the migrations of the Transitive Epoch. 180
- Olga V. Sidorovich*
The "Sabine topic" and the beginning of Rome in Livy's work 197

Содержание

Литературоведение

- Михаил Н. Дарвин*
Портрет-пейзаж в ранней лирике Бориса Пастернака
(к проблеме интерпретации) 116
- Светлана С. Бойко*
Мотивы «записок очевидца» в прозе Нины Павловой 128
- Елена И. Зейферт*
Влияние китайской культуры на художественное пространство
в новейшей русской лирике (на материале поэзии Н. Азаровой
и А. Скидана) 143
- Елена В. Новожилова*
Современная рецензия на поэтический сборник:
жанровый и композиционный аспекты 156
- Юрий В. Доманский*
Репутация и канонизация: нобелевский случай Боба Дилана 171

История

- Вера П. Буданова*
Великое переселение народов: исторический опыт миграций
переходной эпохи 180
- Ольга В. Сидорович*
«Сабинская тема» и начало Рима в сочинении Тита Ливия 197

Портрет-пейзаж в ранней лирике Бориса Пастернака (к проблеме интерпретации)

Михаил Н. Дарвин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mhldarvin@gmail.com*

Аннотация. В статье путем анализа конкретных текстов выявляются две основные текстопорождающие модели стихотворных произведений. К первой модели относятся глоссалические, основанные на доминировании звукового, а не метрического конструктивного фактора (классический пример «Бобэоби пелись губы...» В. Хлебникова) тексты. При этом, приближаясь по некоторым признакам к жанру иллюстрации, «портрета» лица, текст В. Хлебникова сохраняет динамизм произведения словесного творчества, который Ю. Тынянов считал важнейшим непередаваемым путем изобразительного искусства свойством.

Вторая модель, которую можно назвать онтологической, основана на сдвиге отношений субъекта и объекта, характерного для классического искусства слова. В статье на примере анализа стихотворений раннего Б. Пастернака рассматривается специфика беспредметной образности и возможности ее интерпретации.

Ключевые слова: портрет-пейзаж; субъектно-объектная организация текста; футуризм; онтологизация; абстрактная образность

Для цитирования: Дарвин М.Н. Портрет-пейзаж в ранней лирике Бориса Пастернака (к проблеме интерпретации) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. Ч. 2. С. 116–127. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-116-127

Images of sight and hearing
in early Pasternak's lyrics
(toward an interpretation issue)

Mikhail N. Darvin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, mhldarvin@gmail.com*

Abstract. By analyzing a number of texts, the article reveals two main text-generating models of poetic work: the first is a glossal one based on the dominance of the sound rather than the metric constructive factor (the classic example of “Bobeoby sang the lips” by Velimir Khlebnikov). At the same time, approaching the “portrait” of the person close in some aspects to the genre of illustration, Khlebnikov’s text preserves the dynamism of the work of verbal creativity, which Tynyanov considered the most important way to avoid descripti art.

The second model, which can be called ontological, is based on a shift in the subject-object relationship that is characteristic of the classical art of the word. Here we put our argumentation of the analysis of Boris Pasternak’s poem. In the article, through analyzing the early poems by B. Pasternak, the specificity of the objectless figurativeness and the possibility of its interpretation are considered.

Keywords: portrait-landscape; subject-object organization of the text; futurism; ontologization; abstract imagery

For citation: Darvin MN. Images of sight and hearing in early Pasternak’s lyrics (toward an interpretation issue). *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary criticism. Linguistics. Cultural Studies” Series*. 2019;2:116-127. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-116-127

Введение

Крутой перелом, происходивший в русской литературе на рубеже XIX–XX вв. при переходе от классической художественности к неклассической, породил множество блестящих экспериментов, основанных на сближении различных видов искусств и поисках новых способов построения словесного образа. В пору расцвета в 60-е годы прошлого века структурализма Ю.М. Лотман писал:

Для ряда поэтических направлений начала XX века характерен отказ от представления о языковых связях как воплощенной реальности и языковой семантической системе как структуре мира. С этим связано и то, что собственно языковая ткань стиха начинает строится на основе сдвинутых значений, и то, что для построения текста становится необходим некоторый дополнительный регулятор [1 с. 709]

Таким дополнительным регулятором для символизма, например, кроме естественного языка, был язык отношений (музыка, математика), для футуризма – язык вещей (зримый образ мира, живопись), для акмеизма – язык культуры (уже существующие другие тексты на естественном языке)¹. При некоторой спорности выдвинутого предположения нам представляется важной его ориентированность на преобразование словесного образа в связи с установкой на достаточно широкий креативный диапазон творчества.

Для выяснения содержания такой связи мы остановили свой выбор на футуризме. Предметом анализа будут служить тексты ранних стихотворений Пастернака.

Проблема поэтики Б. Пастернака

Ключевыми проблемами поэтики творчества Бориса Пастернака являются, пожалуй, три группы вопросов: субъектно-объектная организация лирики поэта, оппозиция внутреннего и внешнего, одушевленного и неодушевленного, а также специфика тропов в образно-словесном строе его поэзии. В настоящем исследовании нет возможности развернуть должным образом все существующие в пастернаковедении концепции ученых, напрямую касающиеся этих вопросов. Выделим лишь те основные, на которые мы опираемся в своей работе.

Существуют две основные линии понимания специфики субъекта в лирике Пастернака. Первая утверждает неэгоцентричный либо безличный статус субъекта. Пастернак крайне мало рассказывает о себе и от себя. Пейзаж и зритель словно меняются местами: «Они (облака) замечают: с воды похудели / Заборы заметно, кресты – слегка» («Сестра моя – жизнь»); «Меня деревья плохо видят / на отдаленном берегу» («Душная ночь»). Из приведенных примеров² видно, что автор здесь как бы полностью отсутствует: природа сама объясняется с читателем. Первое лицо отодвигается на задний план, становится безмолвным свидетелем происходящего³.

Другое понимание проблемы принадлежит Р. Якобсону, который считает, что пренебрежение лирическим «я» Пастернака иллюзорно:

¹ Данные для разработки такой типологии поэзии Серебряного века, по признанию Ю.М. Лотмана, принадлежат З.Г. Минц [1 с. 709].

² Примеры взяты из работы С.Н. Бройтмана [2]

³ Многие исследователи, например А.Д. Синявский [3], Ю.И. Левин [4], замечают, что лирическое «я» у Пастернака лишается своей моно-субъектности.

Вечный лирический герой несомненно здесь. Его присутствие стало метонимическим. <...> В пастернаковском лиризме образы внешнего окружения оказываются отброшенными бликами, метонимическими выражениями лирического «я» [5 с. 329].

Редукция лирического «я», произведенная Jakobsonом, была подхвачена и развита другими учеными, среди которых следует выделить Й. Ужаревича [6], назвавшего отсутствие лирического героя у Пастернака своего рода *коперниковским переворотом*, позволившим коренным образом изменить субъектно-объектные отношения в лирическом творчестве вообще.

Если попытаться обобщить суждения и концепции, связанные с особенностями поэтики Пастернака, то можно утверждать, что наиболее частотной является концепция метонимичности его поэтики. Основа метонимии, как известно, подразумевает *ассоциацию по смежности*, но вряд ли, исходя из этого, можно утверждать, что метонимия автоматически ведет за собой *взаимопроникновение предметов*. Поэтому неудивительно, что концепция метонимичности поэтики Пастернака далеко не всегда находит поддержку у литературоведов.

Концепции метонимичности поэтики Пастернака противостоят теории, основанные на связи словесного образа Пастернака с «мощной тенденцией к онтологизации художественной реальности, которой отмечена литература рубежа XIX–XX в.» [2 с. 25].

Методологическим основанием таких теорий является историческая поэтика А.Н. Веселовского.

О жанре портрета-пейзажа в лирике Пастернака

Жанр портрета в словесном художественном произведении тесно связан с традициями описания в эпосе. В лирике описание уступает место рефлексии субъективного «я». Поэтому жанр портрета в аспекте изобразительной фигуративности ей не свойственен. Однако в русской поэтической культуре начала XX в., как мы уже отмечали, происходят изменения, существенно расширяющие традиционные границы ее творчества. Особенно это заметно в футуризме, где поэзия и живопись, слова и краски, всегда шли бок о бок. Можно вспомнить, как Маяковский описывает создание натюрморта в своем знаменитом стихотворении «А вы могли бы?..», воскрешая «мертвую природу» и возводя повседневность в ранг искусства:

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;

я показал на блюде студня
 косые скулы океана.
 На чешуе жестяной рыбы,
 прочел я зовы новых губ.
 А вы
 ноктюрн сыграть
 могли бы
 на флейте водосточных труб?

1913

Интересно, что в тексте одновременно фиксируются два свершившихся действия: «я показал и я прочел». Это действия художника и поэта в едином акте творчества, в результате которого рождается неподражаемое произведение искусства: синтез слова и живописи. Отсюда вызов футуриста, обращенный, по-видимому, не просто к обывателю, *вы*, но к своему антогонисту, предположим, поэту-символисту, настоящее и будущее которого находилось в другой сфере искусства, в музыке. Не случайно возникает предложение сыграть ноктюрн, небольшое музыкальное произведение, нежного мечтательного характера фортепьянного исполнения, как правило, в духе Шопена. Задача невыполнимой сложности. У гипотетического творца такого гипотетического произведения нет будущего.

Зато другой футурист, Велемир Хлебников, находит возможность удивить читателя не меньше Маяковского, создав своего рода портрет, не прибегая к традиционным средствам изобразительности. В 1908–1909 гг. он создает семь строк совершенно необычного текста, в котором в слове, находящемся по ту сторону смысла, реализованы звуковые представления, позволяющие на самом деле по-своему увидеть портрет лица:

Бобэоби пелись губы,
 Вээоми пелись взоры,
 Пиээо пелись брови,
 Лиэээй — пелся облик,
 Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
 Так на холсте каких-то соответствий
 Вне протяжения жило Лицо.

1908–1909

Нельзя пройти мимо блестящего анализа Ю.Н. Тыняновым этого *заумного* стихотворения Хлебникова:

Преводя лицо в план звуков, Хлебников достиг замечательной конкретности. <...> Губы здесь прямо осязательны, в прямом смысле.

Здесь – в чередовании губных **б**, лабиализованных **о** с нейтральными **э** и **и** – дана реальная картина губ; здесь орган языка назван, вызван к языковой жизни через воспроизведение этого органа. Напряженная артикуляция **вээо** во втором стихе – звуковая метафора, точно так же ощутимая до иллюзии. <...> Концовка стихотворения как бы переводит звуковой ассоциативный план описания частностей в конкретное лицо, запечатленное на холсте художником. Создание портрета завершилось [7 с. 25].

Хлебникову удалось виртуозно создать своего рода портрет звуко-человека. Безусловно, шедевр Хлебникова, нарисовавшего звуками, в своем роде уникален, но как пример такого рода не единственен.

Можно вспомнить «Глоссолалию» А. Белого, поэму о звуке, написанную по преимуществу ритмической прозой. Опираясь на теорию индоевропейского происхождения языков, А. Белый создает свою общую для всех языков звуковую картину мира. К созданию подобной теории, как известно, стремился и Хлебников. Поэма А. Белого представляет собой уникальный антропософский анализ порождающей творческой силы звука. Белый дает совершенно оригинальное, поэтическое видение природы звука:

Ушел к себе в рот подсмотреть мироздание речи: я буду рассматривать сказку, в которую верю, как в быль; сказка звуков пройдет: пусть для вас она сказка; а для меня она – истина, дикую истину звука я буду рассказывать [8 с. 24–25].

Перед этим фрагментом стихов в прозе А. Белый цитирует своеобразное углубление в звук евангелиста Иоанна в мистическом откровении Якоба Бёме:

“Am Anfangschuf Gott Himmel und Erden”. Надо в точности рассмотреть эти слова, что они значат. Am собирается в сердце и доходит до губ, здесь оно пленяет и, звуча, возвращается назад до своего исходного места... Это означает, что звук изошел из сердца Божия и объял все место сего мира; но как оно оказалось злым, то звук снова отступил назад. Здесь опять-таки гласное «а» прямо связано с сердцем, а “п”, пропуская струю выдыханий через нос, оставляет свое впечатление: наполовину снаружи, наполовину изнутри. Это означало, что сердце Божие возымело отвращение к поврежденности и отвергло от себя поврежденное существо [8 с. 22–23].

На протяжении ряда страниц А. Белый описывает градацию жестов посредством звука, приходя к выводу, что у звука есть своя морфология происхождения, свое тело.

Возвращаясь к ранним стихам Бориса Пастернака, выделим тот аспект его экспериментального в тот момент творчества, который был связан с попытками создания жанра портрета, тесно связанного с пейзажной лирикой. Впервые, насколько нам известно, на это обратил внимание Ю.М. Лотман:

Ранние стихи с известной прямолинейностью обнажают одну существенную особенность лирики Пастернака... Деление на внешний и внутренний мир у Пастернака снято: внешний наделяется одушевленностью, внутренний – картинной пейзажностью и предметностью. Граница между «я» и «не-я», сильно маркированная в любой системе субъективизма, в тексте Пастернака демонстративно снята [1 с. 713].

Такую особенность лирики раннего Пастернака Лотман обнаруживает в стихотворениях «Весна» (1910–1912); «Быть полем для себя...» (1913?); «Я найден у истоков щек...» (1913?); «С каждым шагом хватаюсь за голову...» (1913?). Выделенные исследователем тексты безусловно представляют интерес своей слитностью внутреннего и внешнего в некий единый портрет-пейзаж. Например, в стихотворении «Весна» мы читаем:

В померкших коридорах корь.
Прохожих лица – зерна снега.
И адский пламень карих зорь
Занялся над кобылой пегой.

Колючий город – ясный ключ
В истоках ключевого неба,
В <турнирах> траурный сургуч.
Блеснет краями кожа кэба.

Внешний мир при отсутствии внутреннего действительно выглядит здесь одушевленным. Преобладает в этой одушевленности пейзаж, включающий в себя «прохожих лица», подчиненных процессам «болезненных» весенних изменений природы.

В тексте стихотворения возникает целый ряд сравнений, основанных на контаминациях и подменах, создающих лаконичный и в то же время емкий язык описания мира как нераздельного и неслиянного. «Прохожих лица – зерна снега». Вместо фразеологизма «карие глаза» возникает неологизм «карих зорь», создающий впечатление модальности синкретизма. Однако в отличие от синкретизма дорефлективного традиционализма синкретизм начала XX в. носит не ритуальный характер действия, но является

осознанным поступком креативного сознания, направленным на свободное соединение в едином образе гетерогенных начал предметного ряда посредством его фрагментации. Мы подошли здесь к важнейшему вопросу понимания структуры поэтической образности лирики Пастернака.

Обычный скептицизм восприятия художественного построения поэтических образов Пастернака основан на сложности понимания их целостности, внешней несвязанности составляющих эти образы сторон, отсутствия у них референтности в коммуникативном акте. Какая связь между «кобылой пегой» и «краями кожи кэба»? Если разобраться, то, на наш взгляд, прямая. С точки зрения организации стихотворного ритма эти образы-фрагменты появляются в заключительных стихах первого и второго катренов и являются своего рода завершающими частями каждой строфы. Следует заметить, что в ранних стихах Бориса Пастернака мы не наблюдаем ослабления ритмики. Как правило, большинство стихотворений пишутся классическим (пушкинским) четырехстопным ямбом, укладывающимся в типичные катрены с перекрестной связью в основном точных мужских и женских рифм. Синтаксис также не обладает какой-то изощренностью. В каждой строфе по два–три простых предложения без enjambments. Синтаксическое членение речи совпадает со стихотворным: окончание предложения совпадает с окончанием стиха. «Дополнительный регулятор» стиховой формы не требуется. В чем же тогда сложность? На наш взгляд, в смысловых разрывах частей целого.

Специфика поэтики Пастернака состоит в нарушении логики высказывания, в ликвидации обязательной связи между предыдущим и последующим предложениями как смысловыми единицами целого. Сама последовательность частей высказывания (предложений) строится по не по принципу «одно вследствие другого», а по принципу «одно вместо другого»⁴. Таким образом, правило обязательного сцепления слов в высказывании речевого субъекта нарушается у Пастернака. Причем неожиданным для читателя способом: устранением самого субъекта высказывания, лирического героя. Слово у Пастернака как бы не нуждается в посредничестве какого бы то ни было субъекта, личности. Оно открывается само одновременно с читательским восприятием. Думается, именно в этом состояло влияние футуристов (в первую очередь В. Хлебникова) на Б. Пастернака в ранний период его творчества. В этом смысле его можно считать полноправным участником процесса освобождения «самовитого» слова. Развертывание высказывания

⁴ Как известно, о такой последовательности частей текста в трагедии писал еще Аристотель в своей «Поэтике».

в поэтическом тексте у Пастернака протекает как бы не контролируемым сознанием автора способом глоссалалии, вызванной онтологической природой самого слова. Задача автора заключается в том, чтобы открыть эту природную связь слов друг с другом. В чем же она состоит? В звуковой симметрии.

В текстах стихотворений раннего Пастернака можно обнаружить устойчивую систему звуковых повторов, которую можно определить с помощью приставки *giter*. Например, наряду с привычной рифмовкой слов можно наблюдать и ее непривычное удвоение. В первой строфе приведенного нами текста стихотворения «Весна» слово «пегой» рифмуется со словом «снега», а во второй слово «кэба» – со словом «неба». Но эти же парные созвучья можно воспринимать и как сквозные для всего текста, в какой-то степени выравнивающие отношения фрагментарности разрозненных частей текста: снега – пегой – неба – кэба. Неизвестно откуда взявшаяся «кобыла пегая» ставится на свое место, буквально впрягается в повозку «кэба», обозначая собой движенье («блеснет краями») в лучах «адского пламени» неподвижной болезни. Приводятся в действие и другие рифмы текста, на сей раз мужские, создавая своей семантический ряд: корь – зорь – ключ – сургуч. Сопоставление рифменных рядов приводит к неожиданному открытию двух противоположных состояний творческой рефлексии, выражающихся в образах свободы движения и неподвижности застоя. Первый рифменный ряд (снега ↔ пегой ↔ неба ↔ кэба) обозначает движение, перемещение, освобождение. Второй (корь ↔ зорь ↔ ключ ↔ сургуч) – неподвижность, закрытость, болезнь, запрет. Звуковые соответствия здесь заметно семантизируются, создавая некие одушевленные портреты-пейзажи со скрытыми в них анонимными наблюдателями, не претендующими называться лирическими героями. Поэтому вектор движения предикативных рядов у Пастернака теряет свою однонаправленность. Движение может совершаться в противоположных направлениях в отличие от классической парадигмы художественности. Когда Пушкин в своей «Осени» говорит: «я не люблю весны; весной я болен», то это обусловлено внешним миром, неодушевленным, «вонь, грязь», и внутренним, одушевленным, «Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены». Обратного хода быть не может. Это точка зрения лирического «я». У Пастернака такого лирического «я» просто нет.

Портрет-пейзаж Пастернака не субъективируется, а онтологизируется, предстает перед нами как бытийный и случайный в своих звуковых и зрительных проявлениях.

Обратимся к другому стихотворению раннего периода творчества Пастернака, «Я найден у истоков щек...», состоящего всего из трех четверостиший четырехстопного ямба:

Resté dans ton etreinte.

Новог. телегр. 1913

Я найден у истоков щек,
Я выброшен к истокам смеха.
Высоко надо мной висок
И свеч двоящееся эхо.

О, только б на песках меня
Не подобрал никто, не отнял,
И только об отнятыи дня
Под поцелуем пела отмель.

И я – как в Риме на ремне,
Увековеченный увечьем.
Шуми и ты же вечно мне,
О плещущее ты предплечье.

Обращает на себя внимание необычное построение текста: стихотворению предпослан эпиграф на французском языке⁵ с пометой «телеграмма»;

Телеграмма – вид срочного сообщения с абсолютно понятным отправителем, выраженным в определенно-личной форме глагола *resté*: остаюсь твой.

Если считать эпиграф «прозой», началом произведения, то далее открывается «непонятная», стихотворная, часть текста, связанная с предыдущей только допустимым присутствием местоимения «я». Однако «я» как отправитель телеграммы и «я» как субъект высказывания в стихотворной части текста теряют отношения тождества. «Проза» не переходит в «стихи».

Лирическое «я» в дальнейшем вообще как бы утрачивает свою осязаемую телесность, превращаясь в некое абстрактное создание ничтожно малой величины, всецело зависящее от воздействия сверхличных сил судьбы и неизвестности.

Положение «я» между «устьем щек» и «устьем смеха», между «поцелуем» и «отмелью», находится в крайне низкой точке вертикального построения картины мира: «высоко надо мной висок». «Я» здесь уподобляется то скользящему взгляду, то части тела. Возникает ощущение несвязанности элементов возведенной конструкции, ее фрагментарности в крайней степени (*ne plus ultra*). Впечатление нарочитой дискретности построения текста усиливается от недостатка лексико-синтаксической связи предложений внутри строфической сегментации стихотворения. Предложений

⁵ В переводе издания («Библиотеки поэта» (1990)) «Остаюсь неизменно твой» с пометой «Новогодняя телеграмма 1913 г.»

всего пять: два в первой строфе, одно во второй и два в третьей. Каждое предложение обособлено и не связано с другими логико-семантическими отношениями. В стилевом плане все пять предложений представляют собой короткие сообщения, напоминающие «телеграфный», экономный набор, понятный, может быть, только адресату. Три последних предложения усложняются проявлением воли и желания. Но если семантическая связь между предложениями выглядит крайне ослабленной, то заметно выраженной, несомненно, является связь звуковая, фонетическая. Именно она разрушает, казалось бы глухие, барьеры смысла.

Фонетическая активность текста такова, что она с помощью звуков, помимо прямых лексических повторов, создает определенные ряды разнородных слов: I. к истокам; высоко висок; песок; II. Никто не отнял; отнять дня; III. Под поцелуем пела отмель; в Риме на ремне; IV. Увековеченный увечьем; V. Плещущее предплечье.

Звуковая интенсивность текста способна преодолевать даже и разноязычие, и оппозицию стиха и прозы. Если не переводить французский эпиграф на русский язык, то глагол «resté» вполне созвучен русскому слову «истоки»: **st≅ct**.

Наблюдения над текстом, разумеется, можно продолжать и развивать, но и сделанных достаточно для того, чтобы признать, что звуковой строй стихотворного текста Пастернака определяет поэтику произведения как целого, в котором на фоне бессвязности возникают симметричные звуковые линии, создающие экспрессивный образ судьбы – любви – творчества и жертвы в соединении внешне разнородной и несоединимой картины мира.

Заключение

Проблематика нашей работы, связанная с выявление поэтики жанра портрета-пейзажа в контексте лирики футуризма на материале отдельных произведений В. Хлебникова и Б. Пастернака, разумеется, не может быть исчерпана в отведенных рамках данного исследования и может быть рассмотрена как заявка на реинтерпретацию феномена этого жанра. Вместе с тем функция этого жанра в какой-то степени понятна уже сейчас. В основе его лежат поиски нужных семантических сцеплений и соположения слов, призванных реабилитировать жизнь в эпоху ее отрицания. Другим важным выводом нашего предварительного исследования можно считать тенденцию такого построения текста портрета-пейзажа, в котором места лирическому герою как бы не находится. Созданный поэтом пейзаж воспринимается как одушевленный, но бессубъектный? Вопрос о том, является ли данное изображение фигуративным или абстрактным, остается открытым.

Литература

1. *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПБ, 1996. 848 с.
2. *Бройтман С.Н.* Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь» М.: Прогресс-Традиция, 2007. 608 с.
3. *Синявский А.Д.* Поэзия Пастернака // Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 9–62.
4. *Левин Ю.И.* О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах (по поводу одного стихотворения Б. Пастернака) // Тезисы докладов во Второй летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту: Тартуский университет, 1966. С. 26–30.
5. *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М.: Прогресс; 1987. 464 с.
6. *Uzarevic J.* Kompozicija lirske pjesme (O. Mandelstam i B. Pasternak). Zagreb, 1991. S. 92–99.
7. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
8. *Белый А.* Глоссолалия. Поэма о звуке. Томск: Водолей, 1994. С. 96.

References

1. Lotman YuM. About poets and poetry. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ.; 1996. 848 p. (In Russ.)
2. Broitman SN. Poetics of the book by Boris Pasternak “My Sister is Life”. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2007. 608 p. (In Russ.)
3. Sinyavskii AD. Pasternak’s poetry // B. Pasternak. Poems and poetry. Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel’ Publ.; 1965. p. 9-62. (In Russ.)
4. Levin YuI. On some features of the content plan in poetic texts (about one poem by B. Pasternak // Abstracts of reports in the Second Summer School on secondary modeling systems. Tartu: Tartuskii universitet Publ.; 1966. p. 26-30. (In Russ.)
5. Yakobson R. Works on poetics. Moscow: Progress Publ.; 1987. 464 p. (In Russ.)
6. Uzarevic J. Kompozicija lirske pjesme (O.Mandelstam i B. Pasternak). Zagreb, 1991. s. 92-99.
7. Tynyanov YuN. Poetics. History of literature. Movie. Moscow: Nauka Publ.; 1977. 574 p. (In Russ.)
8. Belyi A. Glossolalia. A poem about sound. Tomsk: Vodolei Publ.; 1994. p. 96. (In Russ.)

Информация об авторе

Михаил Н. Дарвин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mhldarvin@gmail.com

Information about the author

Mikhail N. Darwin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; mhldarvin@gmail.com

Мотивы «записок очевидца» в прозе Нины Павловой

Светлана С. Бойко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, svetlana-boyko@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется поэтика современной книги нового типа, в которой создается образ глубинно упорядоченного мироздания. Книга Нины Павловой «Михайлов день: Записки очевидца» состоит из рассказов, объединенных по принципу монтажа. Монтажному построению соответствует видение мира, отличающееся многоплановостью и эпической широтой. Объединяющую роль выполняет ряд мотивов. Сочетание мотивов выявляет глубинные связи явлений. Каждый из мотивов представлен набором значений. Это позволяет обрисовать картину в полноте.

В статье мы рассматриваем мотивы послушания, преслушания, неведения. Послушание преобразует героев либо становится условием для благоприятных событий, в том числе сверхъестественных. Несчастье персонажа может объясняться неповиновением-преслушанием, желанием сыграть чужую, а не свою роль. Неведение-неосознание может вести к ложному пониманию мироустройства, к соблюдению нелепых обычаев, к разрушительным действиям. Новая книга может не соответствовать ожиданиям аудитории, ориентированной на искусство модернизма или постмодерности. В ней преобладает восприятие жизни как бесценного дара свыше и человека в его своеобразии.

Ключевые слова: Нина Павлова, монтажная композиция, мотив, послушание, преслушание, неведение

Для цитирования: Бойко С.С. Мотивы «записок очевидца» в прозе Нины Павловой // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2019. № 2. Ч. 2. С. 128–142. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-128-142

The motives of “the notes of an eyewitness” in the Nina Pavlova’s prose

Svetlana S. Boyko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, svetlana-boyko@yandex.ru*

Abstract. The paper explores a poetics of the today book of a new type of organization. It shapes an image of a fundamentally ordered universe. The book by Nina Pavlova “Michaelmas day: The notes of an eyewitness” consists of stories, united with the principle of installation (montage). Installation construction corresponds to the vision of the world, marked with diversity and epic breadth. The unifying role is played by a number of motives. The combination of motives shows deep connections of the phenomena. Each of the motives is represented by a set of meanings and senses. That allows to design the picture in its entirety.

The paper considers motives of the obedience, disobedience, ignorance. The obedience transforms heroes or becomes a condition for favorable events, including supernatural. The character’s misfortune could be explained by the disobedience, as desire to play someone else’s, not his or her role. The ignorance (non-awareness) leads to a false understanding of the world order, observance of ridiculous customs, and destructive actions. The new book may not meet expectations of an audience focused on the art of the modernism or the postmodernism. It is dominated by the perception of life as priceless gift from above and of any person in his or her all original properties.

Keywords: Nina Pavlova, installation construction, motive, obedience, disobedience, ignorance

For citation: Boyko SS. The motives of “the notes of an eyewitness” in the Nina Pavlova’s prose. *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary criticism. Linguistics. Cultural Studies” Series.* 2019;2:128-142. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-128-142

Введение

В русской литературе начала XXI в. наблюдается новый подход к изображению мира и человека, отличный от модернистского и от постмодернистского. Художник стремится запечатлеть мироздание как целостность, исполненную смысла, пронизанную глубоко мотивированными связями. В авторской эмоциональности преобладает «Атмосфера благоговейного созерцания мира в его глубинной упорядоченности и приятия жизни как бесценного дара свыше...» [1 с. 71].

Такой подход требует особых художественных средств. Предмет изображения надо запечатлеть в его многообразной

обусловленности, обнаруживая и явные, и скрытые, потаенные связи явлений.

Этим задачам отвечает известный композиционный прием монтажа:

Монтажная композиция... позволяет образно запечатлеть непосредственно не наблюдаемые, сущностные взаимосвязи явлений, углубленно постигать мир в его разнокачественности и богатстве, противоречивости и единстве. Монтажному построению, говоря иначе, соответствует видение мира, отличающееся многоплановостью и эпической широтой [1 с. 278].

Основным элементом монтажной композиции в современной книге становится рассказ. Он позволяет в духе как бы безыскусственного повествования сообщать о знаменательных событиях. Относительная завершенность фабулы придает художественному высказыванию смысловую определенность. Рассказу присуща поэтика достоверности, свидетельства, что входит в задачи автора. Рассказчик предстает одним из героев, воспринимающих события с разных точек зрения.

В XX в. подобный композиционный принцип был ярко представлен, например, в книгах В. Астафьева «Царь-рыба», Ф. Искандера «Сандро из Чегема», А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Здесь каждая из новелл является художественно завершенным произведением, но, включенная в цикл, получает дополнительные смыслы.

Интересующая нас проза в настоящее время мало исследована. Специалисты размышляют над проблемой ее определения [2 с. 7].

Мы, со своей стороны, стремимся описать отличительные особенности поэтики новой книги и определить ее место в истории литературы (см. об этом: [3,4]).

Нина Павлова – новатор в драматургии и в прозе

Яркий представитель нового направления в литературе Нина Александровна Павлова (1939–2015) в советское время была известным журналистом и драматургом. Она автор пьесы «Вагончик», которую в 1982 г. во МХАТе поставил Кама Гинкас. Уже в «Вагончике» Н. Павлова предстала бытописателем, ставящим актуальные социально-психологические вопросы в необычном для того времени ключе.

В данной статье мы анализируем книгу Нины Павловой «Михайлов день: Записки очевидца» (2012) как яркий пример

произведения, составленного по принципу монтажа. Здесь описаны этапы духовного развития рассказчицы, которое привело, если говорить о литературной стороне событий, к становлению Н. Павловой как писателя нового типа.

В главе «От автора» рассказчица вспоминает «необъяснимую тоску» [5 с. 3], характерную для интеллигента начала 1980-х, и свое крещение. К вере героиню привели два обстоятельства. В знакомой семье вместо прежних скандалов с воцерковлением установилась атмосфера «особой нежности», радости и веселья [5 с. 3]. Расспросив друзей, рассказчица идет в Храм и переживает потрясение: «Бог есть, Он любит нас!» [5 с. 4]. Вступительная глава задает мотив преобразования человека. Оно происходит под впечатлением от жизни друзей и в процессе непосредственного Богообщения.

Прежние художественные принципы не соответствуют новому состоянию духа, и писательница отказывается от творчества. Лишь со временем она вновь берется за перо, с благословения старцев, которые велят: «А ты пиши все, как есть» [5 с. 4].

В соответствии с этим советом Павлова становится летописцем событий, связанных с жизнью Церкви, и держится поэтики документальности, правдивого свидетельства. Поэтика свидетельства – «записок очевидца», – во-первых, вписывается в актуальную тенденцию современной литературы:

Реальность XX века оказалась такова, что сказать *правду* о ней стало сверхзадачей писателя, решить ее привычными художественными средствами дано на проверку немногим, большинству же на помощь приходит именно документ [6 с. 33].

Во-вторых, задача свидетельства типологически сближает современную книгу с древними образцами. Новые формы схожи с формами литературы, бытовавшими до Нового времени, в частности древнерусской: «Подавляющее большинство повествовательных текстов отмечено априорной достоверностью, особой установкой, которую можно было бы назвать ожиданием правдивого рассказа» [7 с. 19].

Многообразные случаи, очевидцами которых становится рассказчик, представляют интерес каждый в отдельности. Разрозненные истории собирается в единство, подобно тому как мозаичная картина складывается из отдельных фрагментов.

Особую композиционную роль в этой целостности играют постоянные мотивы. Некоторые из них мы и проследим в настоящей статье.

Мотив послушания в книге «Михайлов день»

Первую часть книги открывает рассказ «Странное послушание». Здесь заглавный мотив звучит в форме категорического требования, открывая тему во всей ее необычности и силе.

Рассказчица по благословению старца поселилась в доме знакомого, в двух пустовавших комнатах-залах. Как духовное чадо, она просит старца о послушании, и он «с неожиданной горячностью» велит: «Вот тебе послушание на Великий пост – никого не пускай к себе. Христом Богом умоляю, умри, а не пускай!» [5 с. 6].

С комичной постепенностью описано сначала отсутствие, затем редкое появление, а к концу поста и наплыв приезжих, которым уже негде остановиться. Полкласса школьников мерзнет на сеновале. Недоумение героини неуклонно усиливается:

Школьники кашляли. А я маялась от одиночества в жарко натопленных залах и кляла свое послушание собаки на сене: места полно, а никого не пускай? Бред! Нелепость! [5 с. 7]

Главные события начинаются, когда смущенный хозяин «привел ко мне чернявую женщину в куртке и двух промокших под дождем малышей, почему-то одетых не по погоде — в летние маечки и сандалики на босу ногу. Мальчику было годика два, а девочке чуть больше...» [5 с. 7–8]. Рассказчица, не сомневаясь, обдумывает, как одеть и отогреть детей, но внезапно, без видимых причин, вспоминает – о послушании: «...а душа вдруг похолодела от непонятной опасности – смерть где-то рядом, и голос батюшки Адриана кричал: “Умри, а не пускай!”» [5 с. 8].

Контраст между теплом и холодом, любовью и жестокостью переживают свидетели страшной сцены, когда рассказчица буквально не своим голосом кричит: «Вон отсюда! Немедленно вон!» [5 с. 8].

Кульминация определяется тем, что зло в этой истории выдало себя за добро (якобы забота «чернявой» о братниных детях), а доброе побуждение (приютить детей), напротив, грозило катастрофой. Малыши были похищены злоумышленницей, связанной с «клубом ведьм»: «Говорят, они похищают детей для жертвоприношения или еще для чего-то...» [5 с. 9]. Преступнице нужно было укрытие, чтобы дожидаться сумерек и прибытия соучастников.

Рассказчица подчеркивает, что ее решающий выбор не был произвольным:

Все свершилось страшно и странно, будто действовала вовсе не я. Это действительно была не я. Это молился о погибающих, похищенных детях старец Адриан, и рядом плакали навзрыд уже черные от горя родители [5 с. 9].

Изначальная решимость героини следовать послушанию сыграла свою роль. Главная же роль отводится слезной молитве родителей и молитвенному стоянию старца, который непостижимым образом был извещен и о том, что именно в это место спустя недели прибудет преступница с жертвами, и о том, как их уже выставили из дома и настал единственный благоприятный миг для спасения детей.

Послушание рассказчицы позволило свершиться чуду. Но в конце звучат слова о решающем, по мнению героев, факторе: «Батюшка помолился» [5 с. 10].

Таким образом, книга начинается с истории, где открывается значение послушания как условия для того, чтобы благоприятные явления могли осуществиться.

В рассказе «Иди ко Мне» мотив послушания тоже разворачивается поступательно. Трудница Евгения прибывает в Оптину пустынь – «едва ли не с грузовиком вещей – чемоданы, баулы, коробки с книгами и вдобавок стиральный бак. С такой поклажей в монастырь не ездят» [5 с. 123]. Поступок показан в качестве комически своевольного.

Следующая часть как бы подтверждает первое впечатление. Евгения превосходно работает, но постоянно обличает окружающих, а с батюшкой конфликтует по нетерпеливости. Но рассказчица уже поясняет, что столкновения связаны с горячностью героини в ее стремлении к Богу [5 с. 123].

Противоречие вскрывается, когда, изгнанная из гостиницы, героиня решает, что никуда не уедет, останется «хоть под кустом», испрашивая у Пречистой прощения за свое малодушие и уповая на Ее предстательство.

Ход дальнейших событий показывает, что решение остаться правильное. Чудесным образом находится жилье, а сыновья-атеисты вдруг с радостью надумали навещать здесь маму [5 с. 128].

Разворачивается мотив послушания, он вытесняет мотив своеволия. Образ «мятежной Евгении» [5 с. 123] меняется. Уходит комизм в описании ее поступков.

Преображение происходит, когда смертельно заболевшая героиня принимает постриг: «В монашеском облачении я увидела ее впервые и поразилась преобразению: лицо ее сияло такой неземной радостью, что источало, казалось, свет» [5 с. 129].

С рождением как бы нового человека мотив послушания набирает подлинную силу. Прежние события переосмысливаются. Героиня сообщает, что приезд в Оптину, забавно выглядывший в завязке, не был ее произволением, но исполнением высшей воли:

Во сне она увидела Божию Матерь – такой, как ее изображают на иконе «Спорительница хлебов». Женя даже проснулась от счастья, услышав Ее голос:

– Иди ко Мне.

– Иду, иду! – воскликнула Женя, сама не зная, куда идти [5 с. 129].

Иконография «Спорительницы хлебов» была настолько мало известна, что даже столичные экскурсоводы не могли помочь. Евгения много лет искала, пока не увидела свою «картину», случайно приехав в Оптину пустынь. Своеволие героини оказалось мнимым, целеустремленность в послушании высшей воле – истинной.

Кончина монахини Веры описана с высоким пафосом торжества над смертью: «На монахиню надели клобук – шлем духовный, в руках четки – меч разящий, и понималось уже без слов – это воин, одержавший победу в бою. Было такое ликующее чувство – победа...» [5 с. 133].

Высокий пафос и далее нарастает. Рассказчица обращается к истории оптинского храма в честь иконы Божией Матери «Спорительница хлебов». Затем к богословскому значению иконографии:

За основу был взят образ Божией Матери с иконы «Всех святых», где Владычица мира сидит на облаках... А внизу по указанию старца была написана нива, где среди цветов и травы лежат снопы. Нива – это иносказание, ибо апостол Павел говорил о Божием народе: «Вы нива Божия» (1Кор. 3:9) [5 с. 134–135]

Наконец, пересказываются эпизоды, связанные с преставлением старца Амвросия Оптинского в контексте Евангельской притчи о сеятеле. Послушание Евгении – монахини Веры – в финале трактуется как готовность «идти путем любви – путем зерна» [5 с. 136]. Благодаря переходу от образов знакомых людей к образу святого, а затем к слову Евангелия высокое звучание усиливается вплоть до конца рассказа.

Мотив послушания звучит во множестве историй. Складывается набор разных его значений. В «Странном послушании» речь о детях, страдавших на глазах рассказчицы.

В ряде историй речь о спасении от опасности, которую никто, кроме старца, и не предвидел. Так, в рассказе «Сдай билет» старец неожиданно велит спешащей паломнице сдать билет на автобус. Разумная женщина, доверяя опыту святых отцов, сдала билет и села на неудобный для нее поезд, что и спасло ей жизнь: «...наутро пришло страшное известие: в автобус, на котором собиралась ехать Лидия, врезался пьяный водитель КАМАЗа, и было много крови и жертв» [5 с. 17].

Мотивы тесно переплетаются в тексте, особенно в прозе такого типа, где запечатлены внутренние связи между явлениями. Мы видели, как в мотив послушания вплетается мотив преображения, которое происходит, если человек следует по указанному пути, проявляет готовность принять высший смысл событий.

Мотив преслушания

Мотив послушания тесно связан и с противоположным по смыслу мотивом – когда герой настойчиво стремится проявить свою волю, не сообразуется со смыслом происходящего, с указаниями духовно опытных людей либо просто с духовным устройством собственной личности, которое могло бы быть понято и без сверхъестественного вмешательства. Такой тип своеволия точно и кратко обозначают славянским словом «преслушание», т. е. ослушание, нарушение, неповиновение.

Преслушание регулярно выступает в книге «Михайлов день» как противоположность вдумчивому, благоразумному отношению героя к ходу событий, к характеру лиц и обстоятельств. Будучи силой разрушительной по природе, преслушание по ходу сюжета обнажает глубинные смысловые связи между явлениями, которые становятся доступны наблюдению в точке разрыва.

В рассказе «Как я спасала мир» героиня по тетрадке рукописей знакомится с молитвами одного старого схимника. Тексты поражают ее:

Но у схимника были свои молитвы, написанные тем дивным старинным монашеским языком, что моя филологическая душа затрепетала от красоты и таинства слов. <...> Современный язык беднее и грубее. И как передать тусклым нынешним словом пламенную любовь схимника к Богу и людям? [5 с. 53].

Рассказчица жаждет молиться по этой тетрадке, забывая о несообразности духовных сил, своих и многоопытного подвижника, и просит благословения. Попытки отговорить ее от неразумной затеи оказались безуспешными.

Вскоре наступают последствия опасного шага: жизнь и сама душа своевольной героини подвергаются смертельной опасности. Испытывая ужас под влиянием кошмаров, она притом почти утрачивает способность передвигаться. Преслушание приводит к зависимости от внешних, злобных сил, способных подчинять и губить:

Два дня я молилась по тетрадке схимника, упиваясь красотой молитв. А потом начались ужасы. На молитве о самоубийцах в воздухе нари-

совалась петля висельника, и кто-то мерзкий внушал: «Сунь голову в петлю!» ...даже зубы застучали от страха.

Всю ночь я просыпалась от леденящего ужаса, а наутро не смогла встать [5 с. 53].

В кульминации страшной истории вступает другой мотив – мотив любви к людям, о которой героиня упоминала, описывая духовное устроение схимника. Теперь уже она сама, вспомнив рассказ своей матери о спасении через мысль о младенце-дочке, заставляет себя идти за выручкой к старцу, чтобы родные не остались без ее попечения:

Теперь настал мой черед любви и памяти о ближних, таких больных и беспомощных без меня. И я поволокла себя к монастырю. Падала, цеплялась за кусты и деревья и через силу двигалась вперед [5 с. 53].

В развязке героиня постигает смысл своей ошибки, которая крылась в подмене любви неумеренным самомнением: «Мой помянник в ту пору был чуть тоньше телефонной книги Москвы... Словом, я жаждала спасти мир, не умея спасти себя» [5 с. 17]. Преслушание показано как способ вытеснить подлинную любовь и заботу о близких нелепым притязанием «спасти мир».

Через мотив преслушания в книге «Михайлов день» показано, какими путями человек отступает от уникального пути своего развития. Герой претендует на то, чтобы сыграть чужую роль как якобы предпочтительную, вместо того чтобы сыграть свою. И не выполняет собственного предназначения, не реализует собственных возможностей.

В цикле «Поминайте наставников ваших» красавица Катя возомнила себя будущей монахиней, оставила жениха, живет «в подвигах», например постом ест только капусту, чтобы в итоге ее возненавидеть [5 с. 11]. Окружающим видно, что она «не монашеского устроения» [5 с. 23], не имеет качеств, необходимых на этом пути.

Девушка не получает благословения старцев на постриг. Но проявляет упорство: она «“железная леди”»: “Все равно, – говорит, – своего добьюсь”» [5 с. 11].

Героиня не хочет видеть несоответствий между свойствами своей личности и свойствами, необходимыми для исполнения понравившегося дела. Послушание – один из трех монашеских обетов. А девушка добивается *своего*, в противовес воле старших. Монахи и миряне в Церкви учатся видеть собственные прегрешения, не судить других. Она же постоянно критикует окружающих. В итоге ложное стремление вытеснило подлинную жизнь, и все сознают, что героиня несчастна.

За невниманием к себе, нежеланием видеть собственные качества следует невнимание к объекту стремлений, непонимание его истинных свойств. Реальность подменяется иллюзиями.

С ситуацией преслушания по смыслу соседствует ситуация, в которой герой действительно не видит истинных свойств – своих или чужих, людей или явлений.

Мотив неведения

Не осознавая смысла явлений, герой может принимать решения, совершать поступки, продиктованные ложными трактовками. Вышеописанная «железная» девушка, принимая решение, скорее не знала, какие качества потребуются, чтобы его выполнить. Впоследствии же она закрывает глаза на свой новый опыт и на разъяснения людей.

В книге «Михайлов день» неведение, неосознание показано как явление многоликое.

Во-первых, непонимание ситуации может быть вызвано тем, что персонаж более или менее искренне забывает о том, что следовало иметь в виду. Так, в рассказе «Кражи» героиня по рассеянности пришла домой в чужих галошах. И за множеством хлопот не помнит, что о взятой из теплиц рассаде надо было сообщить тому, кто рассаду выращивал для раздачи: «И дал мне Господь епитимью за эту кражу – именно тридцать кочанов капусты и похитили осенью. Самое опасное было то, что воровство рассады не осознавалось как воровство...» [5 с. 115].

С наступлением последствий рассказчица осознает смысл происшествий и кается в невольных грехах. Она радуется, что неясное прежде теперь открылось [5 с. 117], что смысл и связь событий восстановлены.

Во-вторых, смысл явлений может искажаться людьми в силу добровольных заблуждений либо недобросовестных инсинуаций. Это влечет за собой неведение тем более опасное, что ложь настойчиво выдают за истину.

Мотив неведения в таком варианте широко представлен в историях, связанных с атеистической пропагандой советского времени.

В рассказе «Цепь золотая» бабушка Устинья поведала, как девчонкой поленилась идти на реку полоскать белье, а пошла на святой источник. Когда она окунула туда мыльное белье, из воды стал подниматься преподобный, которого девочка узнала по иконам. К счастью, она бежала. Для других невежд кощунство оборачивалось бедой. В случае с девчонкой причина неведения состояла в том, что ребенка так научили:

Монастырь к тому времени был уже разорен и закрыт, часовню над источником... тоже разрушили. А пионервожатая объясняла им в школе, что святые источники – это наглая ложь попов, ибо вода в них просто вода [5 с. 285].

Злосчастная пионервожатая, как и другие взрослые, скорее всего, говорила искренне. Люди такого устройства порой вынужденно проверяют свои убеждения на горьком опыте: «– Я слепну, потому что осквернил святой источник. Я уже понял, какой это грех» [5 с. 285].

Если опыт не свой, неведение может остаться навсегда. Если свой – тоже. Так, в рассказе «О немощных» хулитель церкви спустя годы заболевает, перестает носить свои аксессуары, но, видимо, не прибегает к покаянию, хотя в болезни просит молитв.

В-третьих, неведение возникает в забвении истории, традиций, уклада. В этом случае оно самое глубокое. Ибо герой не может представить себе обстоятельства, отличающиеся от привычных, а привычным приписывает мотивировку, отличную от исторически достоверной. Мотив неведения в этом случае предстает как своего рода народная этимология в истории.

В рассказе «Страшное счастье» описаны эпизоды так называемых «Петровок» – погромов, которые стали традицией в ночь под праздник апостолов Петра и Павла: «Это, объяснили мне, такой народный обычай, когда молодежь собирается толпами и ночью шествует с факелами, круша все на своем пути» [5 с. 189]. В действительности обычай сравнительно недавний:

Позже я узнала, что Петровки – это никакой не прадедовский народный обычай, а берет свое начало с погромов, происходивших в Оптиной пустыни после закрытия монастыря. Старожилы вспоминают, как метались тогда по монастырю некие люди с факелами, опрокидывали кресты на могилах и поджигали все, что может гореть [5 с. 189–190].

История дана как сохранившаяся в памяти некоторых старожилов. А современные погромщики описаны как люди в неведении, действующие почти инстинктивно:

Но у шествия факельщиков четкий маршрут и определенная цель – они воинственно идут в монастырь. Останавливаются перед монастырем на том берегу реки и долго стоят в недоумении, будто пытаются вспомнить забытое: ведь зачем-то они шли сюда. Было же что-то, переполняющее их духом ярости и заставляющее спешить сюда. Что? [5 с. 189–190].

Смысловое перекодирование «Петровок» описано как связанное с течением времени и сменой поколений. Как бы неизвестными стали первоначальные мотивы, но сохраняется разрушительный смысл акции.

С забвением традиций и уклада их смысл может быть утрачен частично или полностью. В рассказе «Поминки» показано, что от деревенского похоронного обряда к концу XX в. сохранилась разросшаяся языческая составляющая. Она существовала и прежде, но не осознавалась как таковая, поскольку еще прежде забылась языческая семантика некоторых традиций (вроде завешивания зеркал).

От христианских представлений осталось уважение к священнику и обычай приглашать «читалку» – чтицу Псалтири по усопшему, в роли которой и выступает рассказчица.

Нехристианские представления доминируют в отношении к покойнику:

А мертвец – это нередко коварный злой дух... по-русски – «навьё». С одной стороны, навьё стараются умиловить и ставят ему в виде жертвоприношения рюмку водки с хлебом. С другой стороны, от навья защищаются приемами погребальной магии и завешивают зеркала... [5 с. 216].

Поскольку подобные правила широко распространены в обществе, рассказчица начинает с положительного примера людей, которые преодолели неведение здравым смыслом. Они пренебрегли советами типа: «По нашему русскому православному обычаю первую рюмку наливаем навье» [5 с. 219]. Сыновья сами несли гроб любимой матери, воздавая ей последнюю честь, отвергая мнимо «правильный» запрет на участие родных.

А те персонажи, которые последовали языческим рекомендациям, комично совмещают их с современными реалиями. В гроб кладут очки и часы, мобильник и переносный телевизор – словно снаряжение, припасы и коня в скифский курган. Рассказчица пытается показать источник «обычая»: «Скифская мода единодушно осмеяна, и я со спокойной совестью ухожу к иконам читать Псалтирь. И все-таки инвалидную коляску на кладбище опустили в могилу» [5 с. 219].

В контаминации разноплановых представлений – «по-православному» – «умиловим навьё» – звучит мотив неведения, укорененного в нескольких поколениях.

Схоже выглядит мотив неведения в десемантизации имен собственных, изначально имевших прозрачную внутреннюю форму. Так, многие топонимы (город Покров) и распространенные фами-

лии (Вознесенский) имеют христианские корни. Внутренняя форма таких слов редко осознается. В рассказе «Поминки» показано, что описание календаря в восьмидесятые годы связано с той же закономерностью:

На правлении колхоза выступает представитель райкома партии и говорит грозно: «Чтоб на Георгия выехать в поле и до Николы отсеяться, а иначе партбилеты на стол! Ясно?» [5 с. 214].

Комизм вызван тем, что деятель богоборческой партии активно употребляет лексику, происходящую из словаря Церкви. Ни он, ни слушатели этого не замечают: мотивировка слов забыта. Рассказчица приводит еще ряд подобных примеров утраты внутренней формы. Огурцы в этих краях «испокон века под Троицу сажали». Для поминания пекут «лествицу», «то есть печенье в виде лесенки»:

Здесь примонастырская земля, где из поколения в поколение жили Богом и для Бога, а любимым домашним чтением была «Лествица» преподобного Иоанна Лествичника. Вот и осталась от прежних времен эта рукотворная «цитата» из книги... [5 с. 214].

Мотив неведения, вызванного давним забвением, преодолевается мотивом возрождения. Тогда вспоминается забытый смысл, восстанавливается осмысленный уклад жизни, очищается пространство.

Заключение

Мотивы, объединяющие отдельные рассказы в книгу, выявляют глубинную упорядоченность мироздания, позволяют проследить неявные причинно-следственные связи. Так, послушание преобразует героев либо становится условием для благоприятных событий, в том числе сверхъестественных. Нескладная судьба персонажа может объясняться преслушанием, желанием сыграть в жизни чужую, а не свою роль. Неведение может вести к ложному пониманию мироустройства, к соблюдению нелепых обычаев, к разрушительным действиям.

Каждый из мотивов в книге представлен набором значений – в различных историях, через разных персонажей. Это позволяет обрисовать круг возможных реализаций мотива. Так, в отношении мотива неведения-неосознания мы наблюдали широкий спектр возможных причин неведения: информация забыта по невниманию –

или намеренно искажена – или утрачена обществом. Последствия неведения тоже представлены в широком диапазоне: от прихода героя к осознанию смысла обычаев (например, похоронных) – до следования «древнему» обычаю громить соседей.

Мотивы соотнесены между собою также и антонимическими отношениями. Неведению противостоит возрождение, послушанию – самоуправство героя, преслушанию – любовь.

Книга такого типа может не соответствовать литературным представлениям аудитории, ориентированной на искусство модернизма или постмодерности, на образы миров, связанных с доминантой деструкции и принципом индетерминизма.

От подобных образов отличается образ глубинно упорядоченного мира новой прозы, обращенной к устройству бытия и образу человека в его своеобразии.

Литература

1. Хализев В. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 398 с.
2. Леонов И., Корепанова В. Поэтика православной прозы XXI в. М.; Ярославль: Ремдер, 2011. 122 с.
3. Бойко С. Слово героя в прозе отца Ярослава Шипова: «Неслучайность всего» // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44). С. 179–189. DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00007
4. Бойко С. Для бессмертных: Инструкции: Православная книга сегодня // Вопросы литературы. 2014. № 5. С. 61–88.
5. Павлова Н. Михайлов день: Записки очевидца. М.: Альта-Принт, 2012. 384 с.
6. Местергази Е. Литература non-fiction/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М.: Совпадение, 2007. 327 с.
7. Каравашкин А. Литературный обычай Древней Руси (XI–XVI вв.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 544 с.

References

1. Khalizev V. The theory of literature. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1999. 398 p. (In Russ.)
2. Leonov I., Korepanova V. The poetics of Orthodox prose of the 21st century. Moscow; Yaroslavl': Remder Publ.; 2011. 122 p. (In Russ.)
3. Boyko S. The protagonist's word in father Yaroslav Shipov's prose. "The non-incidentness of everything". *The New Philological Bulletin*. 2018;1(44):179-89. DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00007 (In Russ.)
4. Boyko S. For the immortals. Instructions: Orthodox book nowadays. *Voprosy literature*. 2014;5:61-88. (In Russ.)
5. Pavlova N. Michaelmas day: The notes of an eyewitness. Moscow: Al'ta-Print Publ.; 2012. 384 p. (In Russ.)

6. Mestergazi E. Literature non-fiction. An experimental encyclopedia. Russian version. Moscow: Sovpadenie Publ.; 2007. 327 p. (In Russ.)
7. Karavashkin A. The literary tradition of Ancient Rus' (11th–16th centuries). Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ.; 2011. 544 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Светлана С. Бойко, доктор филол. наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; svetlana-boyko@yandex.ru

Information about the author

Svetlana S. Boyko, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; svetlana-boyko@yandex.ru

Влияние китайской культуры
на художественное пространство
в новейшей русской лирике
(на материале поэзии Н. Азаровой и А. Скидана)

Елена И. Зейферт

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, elena_seifert@list.ru*

Аннотация. Акцент в статье стоит на глубинных уровнях освоения современными русскими поэтами китайской культуры, и одним из таких аспектов является моделирование поэтами художественного пространства. Если поверхностные, текучие пласты мотивного поля и проблематики могут быть обманчивы, то художественное пространство, пронизывающее ментальными парадигмами все произведение, информативно, достоверно и концептуально. В качестве материала исследования выбраны стихотворения Натальи Азаровой и Александра Скидана. «Удельный вес» китайского влияния на новейшую русскую поэзию у разных авторов может быть разновеликим, но в каждом случае этого влияния наблюдается европейско-китайская картина, причем сочетание европейской и китайской культур здесь преобладает над диффузией. Моделирование художественного пространства в современной русской поэзии под влиянием китайской культуры имеет ряд характерных признаков, в основе которых – стремление автора создать полиокулярное восприятие изображаемого с помощью комбинации разных видов перспективы, разных точек зрения и наличия нескольких точек схода. В создании такого пространства китайские мотивы несут функцию поверхностного, обнимающего этот художественный ландшафт слоя. Современные русские поэты в большинстве своем не создают стилизации под китайское или подражания китайскому. Китайская культура входит в их произведения, оказавшиеся под ее влиянием, глубоко, в первую очередь благодаря особой оптике автора, пронизывающей хронотоп, субъектно-объектные отношения и другие системы произведения.

Ключевые слова: художественное пространство, новейшая русская поэзия, генетическое и типологическое родство, китайская культура, Наталья Азарова, Александр Скидан

Для цитирования: Зейферт Е.И. Влияние китайской культуры на художественное пространство в новейшей русской лирике (на материале поэзии Н. Азаровой и А. Скидана) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. Ч. 2. С. 143–155. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-143-155

© Зейферт Е.И., 2019

Artistic space in the modern Russian lyrics
under the influence of Chinese culture
(based on the poetry of N. Azarova and A. Skidan)

Elena I. Zeifert

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, elena_zeifert@list.ru*

Abstract. The emphasis in the article is on deep levels of perception of Chinese culture by Russian poets and one of such aspects is modeling artistic space by those poets. If surface, fluctuating layers of the motivic field and problematics may be deceptive, artistic space which penetrates the whole piece of work with mental paradigms is informative, authentic and conceptual. Poems of Natalia Azarova and Alexandr Skidan were chosen as material for investigation. The proportion of Chinese influence on the modern Russian poetry may differ from one author to another but in each case of that influence one can observe European-Chinese view, wherein a combination of Russian and Chinese culture predominates a diffusion. Modeling artistic space in the modern Russian poetry under the influence of Chinese culture has a variety of characteristic features; at the heart of it there is the pursuit of an author to create poliocular perception of the depicted matter with the help of a combination of different kinds of perspective, various view points and the presence of several points of focus. Chinese patterns bear the function of a surface layer, embracing this artistic landscape, in creating such space. Modern Russian poets, for the most part, don't create stylization of the Chinese matter and imitation of the Chinese matter. Chinese culture deeply enters their pieces of work which happened to be under its influence, and in the first instance – thanks to special optics of the author penetrating the chronotope, subject-object relations and other systems of the literary work.

Keywords: artistic space, modern Russian poetry, generic and typological kinship, Chinese culture, Natalia Azarova, Aleksandr Skidan

For citation: Zeifert EI. Artistic space in the modern Russian lyrics under the influence of Chinese culture (based on the poetry of N. Azarova and A. Skidan). *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary criticism. Linguistics. Cultural Studies" Series.* 2019;2:143-155. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-143-155

Введение

Автор статьи уже поднимала тему влияния китайской культуры на новейшую русскую поэзию. В статье [1] на материале стихотворений Александра Скидана, Наталии Азаровой, Александра Уланова, Владимира Аристова было показано, как современные русские поэты, интересуясь китайской культурой, стремятся балансировать

между европейской и восточной картинами мира. Однако возможности китайской поэзии они принимают не как экзотические, а как органические. Одна из важнейших плоскостей в создании скульптуры стихотворения с китайским влиянием – это планка между словесными мотивами и аллюзиями. При синхронном бытовании дословесного, словесного и послесловесного под влиянием китайской культуры рождается звучащая и одновременно видимая художественная реальность.

Актуальность продолжения этого исследования остается высокой. Акцент стоит на глубинных уровнях освоения современными русскими поэтами китайской культуры, и одним из таких аспектов для меня становится оптика произведения, а именно моделирование поэтами художественного пространства. Если поверхностные, текучие пласты мотивного поля и проблематики могут быть обманчивы, то художественное пространство, пронизывающее ментальными парадигмами все произведение, информативно, достоверно и концептуально.

Исследования литературы и культуры Китая [2,3,4,5] включают в себя и изыскания по художественному пространству, материал для них во многом дает китайская живопись [6]. С ее помощью легче понимать язык поэзии с ее объемностью и сложной оптикой.

Рассматривание китайских изобразительных работ (фресок, свитков, скульптур) позволяет видеть одну картину как несколько одновременно, тренирует мышцы многоакурсного зрения. На одном и том же полотне будда и ботхисаттвы могут быть изображены почитательно, с точки зрения снизу вверх, а другие персонажи – на уровне глаз или сверху вниз. Зритель не только может одновременно смотреть в разные зрительные трубы бинокля, но и сам множество раз кадрировать изображение. На глазах зрителя изображение меняет контуры, ибо его форма разомкнута, энергия ци свободно движется по меридианам художественного пространства. Расстояние между субъектом и объектом релятивно.

Благодаря своему изобразительному характеру литература способна создавать художественное пространство, показывая его с разных точек зрения и разных видов перспективы. Проблема художественного пространства разрабатывается в трудах М. Бахтина (в тесной связи с художественным временем как проблему хронотопа, поддержанную затем другими учеными), П. Флоренского (на материале изобразительного искусства с учетом горного пространства), Б. Успенского, Вяч. Иванова, Н. Тамарченко, С. Бройтмана, В. Тюпы, Д. Магомедовой и других ученых [7,8,9,10,11,12,13,14]. Усилия исследователей направлены на поиск внутренней, глубинной структуры произведения, пронизывающей композицию, архитектонику, субъектно-объектную организацию

и другие системы произведения. П. Флоренский, писавший и о горных, тонких пространствах, считал, что «проблема пространства залегает в средоточии миропонимания во всех возникавших системах мысли и предопределяет сложение всей системы» [8]. Вслед за формулой Флоренского «миропонимание – пространствопонимание» в художественном ландшафте произведения можно увидеть глубинные связи внутри произведения как целого.

Из китайских статей об изобразительном искусстве наибольшей ясностью видения проблемы, логичностью и четкостью выводов отличается работа В. Белозёровой [6]. Несмотря на то что автор пишет об определенной эпохе (от Ханьдо Тан), ее выводы распространяются и на последующие периоды. В. Белозерова опирается на следующий свой базовый тезис: «Китайские пространственные построения являются самыми сложными в мировой художественной практике. Китайская перспектива исходит не из законов оптики, а из принципов моделирования пространства в национальной культуре».

Целью статьи является рассмотрение специфики художественного пространства в современной русской лирике, возникшей под влиянием китайской культуры. Задачи исследования: определить генетическое или типологическое сходство художественного пространства в русской поэзии с китайским, обозначить ряд характерных признаков подобного пространства в русской поэзии, показать полиокулярную оптику автора, пронизывающую хронотоп, субъектно-объектные отношения и другие системы произведения.

Говоря о прямом генетическом китайском влиянии на современную русскую поэзию, целесообразно в первую очередь обратиться к имени Наталии Азаровой как поэту и переводчику Ду Фу и современных китайских авторов (Ян Лянь, Хань Бо, Шэнь-Хаобо). Сама Наталия назвала мне целый ряд своих стихотворений, прошедших через китайское влияние: «день к вечеру...», «купальщица круглоликая...», «освещение вещей...», «между рекой и горой» и другие стихотворения из цикла (или рубрики в книге) «Китайские купальщицы. Гадание на политическом пейзаже», «Чжуанцзы», «это наказание...» из цикла «Трактааты», «позёмка поздняя зима на язуе» из цикла «Цветы и птицы», «тысячу осеней не было такой осени...», «два старика бегут от времени навстречу...» из цикла «Ровно-Ровно», «облака растолкала...», «упрёк – это человек...», «мораль – это...» и другие стихотворения из цикла «Масенькие» (книга стихов «Соло равенства»), «3 декабря», «20 января», «22 февраля», «18 марта», «18 июля» («Календарь»), «судьба погибла постепенно...», «количественное прерывание себя...», «красные краны на сером» и другие стихотворения из книги «Раззавязывание» и т. д. Как видим по этому списку, Азарова, называя

свои стихи, возникшие под китайским влиянием, в большей степени акцентирует внимание не на поверхностном (тематическом), а на глубинном проявлении китайского: из цикла с «китайским» названием «Цветы и птицы» ею приведено здесь лишь одно стихотворение; собственно «китайское» наименование только у одного произведения из этого перечня – «Чжуанцзы»; слово «китайский» встречается только в названии цикла «Китайские купальщицы». Безусловно, под китайским влиянием оказались и другие, не названные Азаровой ее произведения.

Ранее я исследовала звучащие идеограммы Н. Азаровой [1]. Восприятие китайской культуры ее стихотворением многослойно: самый верхний слой – тематический, затем идут графический, звуковой и др. К наиболее глубинным можно отнести оптику.

Исследуемым поэтам я задала вопросы: «Есть ли у вас в стихах описание китайских ландшафтов? В каких именно произведениях и какие ландшафты? Обращались ли вы в своих стихах к изобразительному искусству Китая?» Ответ Наталии Азаровой: «Китайские ландшафты есть в большом количестве только в Красных кранах – это Янцзы, разумеется, и промышленные пейзажи. Другая книга называется “Цветы и птицы” – это жанр китайской живописи, но понятый уже по-другому: в каждом стихе так или иначе присутствуют и цветы и птицы». Как видим по ответу, китайские мотивы – не константный, не доминантный и даже не факультативный элемент «китайских» стихотворений Наталии Азаровой, а, на мой взгляд, скорее маркеры возможного присутствия в произведении китайского пространствостроения как мировидения; наличие/отсутствие китайских мотивов здесь не принципиально.

Обращаясь к оптике Наталии Азаровой, целесообразно привести мнение Аркадия Драгомощенко: «Иногда мне кажется, что порой, предлагая вполне опознаваемые ассамбляжи элементов, связанных между собой привычными отношениями, Азарова (словно отдаляясь и меняя оптику) останавливает некое время принятия “решения” (завершение стихотворения) и, выращивая в, казалось бы, давно остановленных значениях вещей новую недостаточность, останавливает время самого стихотворения и неуловимо переходит к другой “точке зрения”. Т. е. мы видим все “сразу”, но в другой проекции, а точнее – в образующемся иными взаимоположениями контр-пространстве между смыслами, где, по Хайдеггеру, язык, не находя воплощения, но желая его, проживает моменты возможности полноты» [15 с. 3]. Здесь как европейские, так и китайские пластические элементы: движение времени приостановлено внутри стихотворения, но при этом стихотворение текуче и принципиально не завершено, словно его энергия движется по меридианам. «Другая “точка зрения” (А. Драгомощенко) здесь лежит не внутри

стихотворения, а рядом с ним, читатель словно охватывает взглядом и околотекстовое пространство, присваивая его этому произведению.

Азарова стремится развивать полиокулярное зрение читателя, начиная с графического уровня и уходя в глубинную оптику. Читая стихотворение «освещение вещей...», реципиент неоднократно переводит взгляд слева направо на одинаковые и одновременно разные части произведения. Первые две части якобы одинаковы, хотя повтор слова в стихотворении неизменно рождает новый смысл (накопление энергии здесь неизбежно), вторые две части якобы одинаковы, но уже разделены вертикальной чертой, финал единый (читатель обнаруживает, что разъединение неожиданно приводит к единству). Зрение читателя в ходе чтения им стихотворений Наталии Азаровой научается видеть левый и правый фланги необычного по своей графике произведения одновременно. В стихотворении «прислониться | человек-и-собака...» Азарова показывает соединительную функцию своего значка разделения: «молчащие друг другу через зеленый забор» становятся единым целым.

Разрезая идиому, создавая непредсказуемое ее движение («проплыть на одном винте», «гадание на водной гуще»), соединяя существительные с относящимися к ним единственным раз эпитетами («чешуйки високосные», «пешего полушария»), в том числе авторскими («днящиеся руки по воде»), Азарова допускает границу, разрез только локального масштаба. Цель рождения этой границы – сдвиг значения, перенос части произведения в область его проекции, о которой говорит Драгомощенко. «Китайские» стихотворения Азаровой безначальны и бесконечны, ее стихотворение, как дерево, растет одновременно вверх и вниз: здесь важен перенос именно растущего, якобы неполного стихотворения, стремящегося к собственной возможной полноте.

Вариативный повтор показывает пошаговую переброску стихотворения в его проекцию:

корабли терракотовых воинов
 корабли терракотовых войн
 корабли терракотовых вод [15 с. 27]

«между рекой и горой...»

Многофункциональность повтора в «китайских» стихах Азаровой (развитие рецепции как полиокулярного видения мира, создание проекции произведения, одновременная работа с фрагментом стихотворения и целым и др.) участвует в рождении объемности рецепции.

«Особенности пространственных построений в изобразительном искусстве Китая предопределили следующие свойства национальной пластической парадигмы: 1) концепция формы не как замкнутого объема, а как открытого русла, визуализирующего сквозные циркуляции энергии ци, что требовало передачи трехмерности пространства и исключало плоскостность изображения, блокирующую энергетические циркуляции; 2) понимание формы не как статичной массы, а как динамичной части единого пространственно-временного континуума, что стимулировало одновременное развитие и применение разных типов перспективных построений; 3) восприятие формы как меняющейся в присутствии зрителя конфигурации, в результате чего дистанция между субъектом и объектом эстетического восприятия трактуется как подвижная и свободно преодолимая зона; и пр.» [6]. Увидим эти признаки в стихотворении Азаровой «купальщица круглоликая...».

* * *

купальщица круглоликая
моя лукавая луковая

ту-голую отверни-от меня руку-с-палкой
желтый гной отколи-от

моей бездонной купальни
так твои горы и воды полны

пупырышки яшмы плавают
по нашему океану пешего полушария [15 с. 37]

Зрительные образы, созданные Азаровой, объемны и подвижны: купальщица предстает перед нами в разных ракурсах, читатель переводит взгляд от ее лица к руке; смена местоимений, ландшафтных ракурсов (купальня, горы, воды), временных точек («отверни руку» сейчас, «плавают» всегда) позволяет обрисовать скульптуру стихотворения. Бездонность купальни (увиденная глазами купальщицы), горы и воды (увиденные глазами субъекта) даны на полотне одновременно. Точки зрения на уровне глаз и сверху вниз, обратная и панорамная перспективы не только создают стереоскопический ландшафт, но и рождают метафору: реальность изображения здесь возникает под китайским влиянием, иллюзорность (которая здесь реальнее реальности) – под европейским. Принадлежность субъекту и купальщицы («моя лукавая луковая»), и купальни («моей бездонной купальни»), вращение адресата в масштабное творящее «ты» («твои горы и воды полны»), объединение «я» и «ты» со всеми

людьми («по нашему океану пешего полушария») создают парадоксальное проживание малого изобразительного локуса купальни и купающейся женщины в равном ему большом земном шаре, населенном многими людьми.

Азарова свободно допускает в свои «китайские» стихи субъект от первого лица, что не свойственно поэзии Китая. Одно из предназначений «я» в «китайских» стихах Наталии Азаровой – моделирование художественного ландшафта с помощью притяжательности в адрес его сегмента («от моей бездонной купальни» [15 с. 37]), представление «я» как изображаемого, видимого со стороны объекта («я кошащая птица вся в солнечных оплеухах» [15 с. 15]), волнение «я» как наблюдателя, дарящее синтез разъединенным элементам картины («день к вечеру / во мне смятенье беспокойство / женщина в сером платье моет пыльные ноги / ползет телега вверх по горному плато / женщина гладит икры ладонью / обнаженный мужчина входит в воду» [15 с. 38]).

Взаимопокорение мотивами друг друга у Азаровой показано как наглядно, на примере китайских пяти элементов («жесткие / говорящие об общей воде / дерево анализируя / топором на куски» [15 с. 22]), так и через другие элементы. Это можно увидеть, к примеру, в тексте «красные краны на сером. четвертое», четвертой части поэмы, или цикла стихов, «Красные краны на сером», в которой происходит взаимопокорение мотивов: «утро» – «день» – «течение времени» – «дракон пророщен дождем» – «мирное море» – «проплывает синяя ржавая штука» – «трудолюбивая цифра пять на воде» ищет «большую пищу» – «птица» – «янцзы» – «дождь» – «красные краны».

В другом стихотворении Азаровой перестановка слогов, подобранных китайским словом, разъединение имен китайского и русского поэтов рождает не игру, а новое единство.

* * *

два старика бегут от времени навстречу
тропинка дельты бесконечна

дуфу
айги
дуэт

поговорили на террасе
перелетая азией
ночь лето август ритм день
наверчен начерно

дуги
ай фу
по эт

будто им на зиму рекой
пора-за горизонт
в четыре щёлки [15 с. 252]

Китайское как органичный элемент произведения, пронизывающий все произведение, но одновременно остающийся локальным, находим у Александра Скидана. Обратимся к двум его триптихам «Неведение. Удивленье...» и «“Куст несгораемый” или шлейф...». Сам автор заявляет, что «китайский субстрат – здесь один из элементов», это «некоторый синтез». Поэт говорит, что в его творчестве «как такового китайского ландшафта нет, есть лишь отсылки к нему»; «к изобразительному искусству Китая» Скидан «прямо не обращался, но все увиденное и прочитанное сказалось в переработанном виде». В этих триптихах Скидана есть отсылки к Валери («архитектура огня»), орфикам (мотивы вознесения и падения: «вознесённое. Вознесите», «в шахту пел никнущий / голос, орфик, сошедший в ортопедический ад»), китайской культуре («погруженный в белое каллиграф», «снегом занесённого чайного домика – безучастный / мерный веер беззвучной речи»). Китайские мотивы относятся не к глубинной оптике автора, а к тематическому уровню, выполняя функцию наброшенных на скульптуру стихотворения лоскутов ткани, но комбинирование европейских и китайских приемов моделирования художественного пространства создает здесь уникальную картину.

«В китайском искусстве художественное пространство трактуется как континуально-динамическое единство, в котором фон и изображение амбивалентны, что позволяет не только каллиграфическим, но и живописным пространствам органично восприниматься как в позитивных (свитки), так и негативных (оттиски) режимах воспроизведения» [6]. У Скидана фон и изображение в исследуемых стихотворениях порой неотличимы.

«Куст несгораемый» или шлейф
растущёвки в мнимом пекле пейзажа,
непостижное [16 с. 15]

Прием «тени теней» постепенно растушевывает изображение до фона.

Этот текст Скидана слоистый: европейское здесь словно чередуется с вкраплением китайского, которое отделено от европей-

ского даже графически (используется сразу несколько маркеров разделения – тире и межстрочные пробелы), но резонирует на весь текст.

вот зодчий
воздвигающий наготу:

белое,
как сказал бы
погружённый в белое
каллиграф [16 с. 15]

вознесённое. Вознесите [16 с. 15]

«В результате комбинирования трех типов перспектив и трех точек зрения в V–VI вв. сформировался национальный тип пространственных построений, не имевший аналогов в сопредельных с Китаем странах» [6]. Скидан сочетает в триптихе «Неведение. Удивленье...» прямую («ветер гонит под дых полузатопленный плот вглубь залива») и тональную («в лиловеющих небесах, на стыке суши и вод, где, кинжала звёздный планктон, кричат чайки») перспективы, но дает их в разных частях триптиха, во второй и третьей частях. Реальное изображение переходит в метафорическое:

Ветер гонит
под дых
полузатопленный плот
вглубь залива. Потусторонний
вдох и выдох

колеблемых створ
лунного бриза.

Только жест
со-присутствия,

в зыблющихся песках оползающей жизни [16 с. 14].

Вдоль центральной композиционной оси в китайской живописи рождается не одна, а несколько точек схода линий, ведущих от контуров предмета к его перспективе. Не все они лежат на центральной оси, а могут располагаться рядом с ней. Их совокупность – еще один

центр картины. Сколько точек схода, столько и стартов, которые предпримет реципиент для восприятия картины. Стихотворение с подобной оптикой начнут читать неоднократно. Продолжение и завершение чтения имеет высокую вероятность, потому что в наложении новых пластов восприятия друг на друга постепенно рождается целостная картина, процесс появления которой завораживает читателя как ценителя подлинной лирики. Таковы анализируемые стихи Скидана. Возьмем мини-цикл «Неведение. Удивленье...». Первая точка схода здесь – грот метафорической пещеры «обрушенного слова», ракурс вниз. Вторая точка схода – взгляд вверх, к «вросших в смерть, стенающим» соснам. Третья – ввысь, «стык суши и вод в лиловеющих небесах». Четвертая – вдаль, «вглубь залива». Пятая – ввысь, к луне. Шестая – вниз, к «оползающим пескам». Для того чтобы собрать созвездие этих точек схода в этих стихах как некий центр картины, необходимо прочесть их неоднократно. Метафорика и реалии рассматриваются здесь зрением читателя в общей коллекции художественных фактов. Относясь к вершинным авторам, Скидан в анализируемых мини-циклах одновременно обращается к оптическим возможностям европейской и китайской поэзии с преобладанием европейского инструментария, интуитивно показывая, как китайское то просвечивает слоем в европейском, то как парадигма пронизывает все произведение.

Заключение

Удельный вес китайского влияния на новейшую русскую поэзию у разных авторов может быть разновеликим, но в каждом случае этого влияния наблюдается европейско-китайская картина, причем сочетание европейской и китайской культур здесь преобладает над диффузией. Моделирование художественного пространства в современной русской поэзии под влиянием китайской культуры имеет ряд характерных признаков, в основе которых лежит стремление автора создать полиокулярное восприятие изображаемого с помощью комбинации разных видов перспективы, разных точек зрения и наличия нескольких точек схода. В создании такого пространства китайские мотивы несут функцию поверхностного, обнимающего этот художественный ландшафт слоя. Современные русские поэты в большинстве своем не создают стилизации под китайское или подражания китайскому. Китайская культура входит в их произведения, оказавшиеся под ее влиянием, глубоко, в первую очередь благодаря особой оптике автора, пронизывающей хронотоп, субъектно-объектные отношения и другие системы произведения.

Литература

1. *Зейферт Е.И.* Китайское в новейшей русской поэзии: синхронная многомерность, идеограмма и взаимообогащение художественных элементов // Новое литературное обозрение. 2018. № 6. С. 250–262.
2. *Алимов И. А., Кравцова М. Е.* История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: В 2 ч. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014.
3. Духовная культура Китая: В 6 т. Т. 3: Литература, язык, письменность. М.: ИДВ, 2008.
4. *Лисевич И.С.* Мозаика древнекитайской культуры. М.: Восточная литература, 2010. 446 с.
5. *Соколов-Ремизов С.Н.* Литература. Каллиграфия. Живопись. М.: Наука, 1985. 311 с.
6. *Белозёрова В.Г.* Пространственные построения в китайском изобразительном искусстве от Хань до Тан // Синология.ру. URL: <http://www.synologia.ru>. (дата обращения 01.06.2018).
7. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
8. *Флоренский А.А.* Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993. 321 с.
9. *Успенский Б.А.* Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 256 с.
10. *Иванов Вяч.В.* Структура стихотворения Хлебникова «Меня пронесут на слоновых...» // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 245–257.
11. Теория литературы: Учеб. пособие: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 1.: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. 512 с.
12. *Тюпа В.И.* Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт; РГГУ, 2001. 192 с.
13. *Бройтман С.Н., Магомедова Д.М.* Анализ художественного текста. Лирическое произведение. М., 2005. 331 с.
14. *Гёльц К.* Теории автора в восточноевропейской филологии в XX в. // Нарраториум. Междисциплинарный журнал. 2015. № 1 (8). URL: <http://narratorium.ru> (дата обращения 25.05.2018).
15. *Азарова Н.* Соло равенства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 275 с.
16. *Скидан А.* «Куст несгораемый» или шлейф... // В повторном чтении. М.: АРГО-РИСК, 1998. С. 15.

References

1. Zeifert EI. Chinese matter in the latest Russian poetry: synchronous multidimensionality, ideogram, mutual enrichment and mutual conquest of artistic elements *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2018;6:250-62. (In Russ.)

2. Alimov IA., Kravtsova ME. The history of the Chinese classic literature from ancient times to the 18th century: poetry, prose. In 2 vols. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ.; 2014. (In Russ.)
3. Spiritual culture of China. In 6 vols. Vol. 3: Literature, language, writing system. Moscow: IDV Publ.; 2008. (In Russ.)
4. Lisevich IS. Mosaic of ancient Chinese culture. Moscow: Vostochnaya literature Publ.; 2010. 446 p. (In Russ.)
5. Sokolov-Remizov SN. Literature. Calligraphy. Painting. Moscow: Nauka Publ.; 1985. 311 p. (In Russ.)
6. Belozerova VG. Spatial constructions in the Chinese visual arts from Han to Tang. Synologia.py. [Internet]. [data obrashcheniya 1 june 2018]. URL: <http://www.synologia.ru>. (In Russ.)
7. Bakhtin MM. Questions of literature and aesthetics. Moscow: Khudozh. lit. Publ.; 1975. Forms of time and chronotope in a novel. Essays on historical poetics. p. 234-407. (In Russ.)
8. Florenskii AA. Analysis of spatiality in literary depictive pieces of work. Moscow, 1993. 321 p. (In Russ.)
9. Uspenskii BA. Poetics of the composition. Structure of a literary text and typology of compositional form. Moscow: Iskustvo Publ.; 1970. 256 p. (In Russ.)
10. Ivanov Vyach.V. The structure of Khlebnikov's Poem "I am Carried on Elephant..." V: Neroznak VP., ed. Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. An anthology. Moscow, 1997. p. 245-57. (In Russ.)
11. Tamarchenko ND., ed. Theory of literature. A study guide. In 2 vols. Vol. 1. Theory of artistic discourse. Theoretical Poetics. Moscow: Akademiya Publ.; 2004. 512 p. (In Russ.)
12. Туупа VI. Analytics of the artistic (introduction into literary analysis). Moscow: Labirint; RGGU Publ.; 2001. 192 p. (In Russ.)
13. Broymant SN., Magomedova DM. Analysis of a literary text. A lyrical piece of work Moscow, 2005. 331 p. (In Russ.)
14. Hoelz SK. Theories of an author in East European philology in the 20th century. Narratologies. Cross disciplinary journal. 2015. Vol. 1 (8). [Internet]. [data obrashcheniya 25 may 2018]. URL: <http://narratorium.ru>. (In Russ.)
15. Azarova N. Solo of equality. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2011. 275 p. (In Russ.)
16. Skidan A. "Incombustible Bush" or Tail... V: Rereading. Moscow: ARGO-RISK Publ.; 1998. p. 15. (In Russ.)

Информация об авторе

Елена И. Зейферт, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; elena_seifert@list.ru.

Information about the author

Elena I. Zeifert, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; elena_seifert@list.ru.

Современная рецензия на поэтический сборник: жанровый и композиционный аспекты

Елена В. Новожилова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, elena.v.novozhilova@yandex.ru*

Аннотация. Цель работы – на большом объеме эмпирического материала исследовать рецензию на поэтическую книгу с жанровой и композиционной точки зрения. Новизна заключается, в частности, в выборе методов (количественный подсчет, эмпирическое обобщение, моделирование) применительно к данному объекту.

В статье впервые приводится количественная оценка массива рецензий на поэтические книги, публикуемых в современной России. Указывается, что традиционная литературно-художественная принадлежность рецензии – возможно, именно из-за количества – меняется: сейчас отзыв на поэтический сборник – это не только литературно-критический жанр, но и журналистский, и отчасти научный, а также единица информационной системы. Если ранее для литературного критика были приоритетными художественные задачи, то теперь – точность и объективность изложения информации. Впервые раскрывается тезис о том, что цель пишущего рецензию – индивидуализация поэтической книги, приведение ее к индивидуальному тождеству: тождеству самой себе. В связи с этим предлагается модель композиции рецензии: вводная часть («шапка»), сведения об авторе, перечисление особенностей его поэзии, цитаты. Не все эти элементы обязательны и не все равноценны: из совокупности поэтических черт выбираются те, которые критик считает важными и которые могут послужить его собственной цели. Статью завершает вывод о том, что рецензия в литературном процессе важна, а роль рецензента по-прежнему активна – но активна по-иному.

Ключевые слова: теория литературы, литературоведение, литературная критика, стихи, поэтическая книга, сборник стихов, рецензия, отзыв, жанр, композиция

Для цитирования: Новожилова Е.В. Современная рецензия на поэтический сборник: жанровый и композиционный аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. Ч. 2. С. 156–170. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-156-170

Contemporary review of the book of poems. Genre and compositional aspects

Elena V. Novozhilova

*Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russia, elena.v.novozhilova@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the work is to study the review of a poetry book in terms of genre and composition. The novelty, in particular, is the choice of methods (quantitative estimation, empirical generalization, modeling) for the object.

The article for the first time quantifies the multitude of reviews on the collection of poems published in Russia nowadays. It states that the traditional literary-critical (artistic) affiliation of the review – perhaps because of the quantity – is changing: now review of a poetry collection is not only a literary-critical genre, but also a journalistic genre, and partly scientific one, as well as a unit of the information system. If earlier art tasks were a priority for literary critics, now objectivity and accuracy of information are prioritized. For the first time the thesis is revealed that the individualization of the poetic book, bringing it to an individual identity: self-identity. The purpose goal of the reviewer is an individualization of a poetry book, bringing it to an individual identity: self-identity, identity of oneself. In this regard, the review composition model is proposed: introductory part (header), information about the author, listing the features of his poetry, quotes. Not all those elements are obligatory and not all are equal: literary critic chooses from a set of poetic traits those that he considers important and that can serve his own purpose. Article sums up that the review in literary process is important, and the role of reviewer is still active – but active in a different way.

Keywords: theory of literature, literary studies, literary criticism, poetry, poetry book, collection of poems, review, comment, genre, composition

For citation: Novozhilova EV. Contemporary review of the book of poems. Genre and compositional aspects. *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary criticism. Linguistics. Cultural Studies" Series.* 2019;2:156-170. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-156-170

Современность – второе десятилетие XXI в. – ничуть не оскучила поэзией, стихи на русском языке продолжают писаться и издаваться. Печатаются поэтические книги. И точно так же печатаются рецензии на эти книги. По нашим подсчетам, к примеру, в течение 2014 г. в русской литературной периодике были опубликованы 433 рецензии на поэтические книжные новинки, а совокупный объем этих рецензий составил более 34 а. л. В тройку самых активных публикаторов вошли литературные журналы «Дети Ра», «Воздух» и «Новый мир» (соответственно 1-е, 2-е и 3-е места).

Столь большой объем позволяет анализировать и делать выводы от частного к общему. Рассмотрим жанровый и композиционный аспекты этих рецензий на материале указанных трех журналов, а также журнала «Арион», который публикует немногочисленные, но самые подробные рецензии. Временной период – 2014–2018 гг.

Какова типологическая принадлежность этих рецензий? Известно, что «категория жанра относится к любому произведению. “Внежанровых” произведений не бывает» [1 с. 3].

Рецензия была и остается в современности жанром литературной критики [2 с. 74; и др.]¹. Ее жанровый объем предполагает монотематику, сочетание объективного информирования читателей о новой книге и субъективной ее оценки. Рецензии в достаточной степени свойственны и литературный слог, и употребление художественных приемов (в частности описание образного ряда стихотворений при помощи собственных образов). Однако если актуализировать принцип деления жанров на теоретические (результат научных исследований) и исторические (результат наблюдений над реальными произведениями) [3 с. 16] – то станет очевидно, что традиционная литературно-художественная принадлежность рецензии как исторического жанра сейчас размывается. Несомненно, с ней происходит то, что Ю.Н. Тынянов назвал смещением системы [4 с. 168]. Выскажем предположение, что это связано с накоплением значительного количества рецензируемых книг и, соответственно, с изменением задач рецензента по отношению к общему массиву поэтического материала.

Во-первых, литературно-критическая рецензия сближается с одноименным аналитическим жанром журналистики. Русский литературный критик в начале XXI в. имеет очень широкий выбор объектов (книг) – а значит, вправе быть переборчивым. Он волен выбрать любую книгу как инфоповод или как повод для собственного прямого высказывания. Прежде чем проанализировать ее, он задается типично журналистским вопросом: актуальна ли эта книга (и если да – то для какой аудитории?), стоит ли ее разбор моих умственных и речевых усилий [5]? Соблюдение прежних стилистических норм, характерных для литературной критики, и использование художественных приемов в тексте рецензии перестали быть необходимыми; ничего страшного, если мысль рецензента будет выражена явно, незавуалированно и в более широком лексическом диапазоне. И напротив, недопустима фактическая

¹ Несмотря на то что жанр рецензии существует не только в литературной критике (ср. кино-, арт-, медиакритика и т. д.), вряд ли он является метажанром, единым для многих сфер человеческой мысли. Полагаем, что это жанровые формы – аналоги.

неточность: здесь литературный критик будто бы присоединяется к профессиональному кодексу журналистов. Он нарочито демонстрирует свою объективность – намеренной цитацией, точными выходными данными в «шапке» рецензии, анкетными сведениями об авторе и другими доступными способами.

Во-вторых, рецензия превращается в разновидность научной критики. Литературный консенсус в начале XXI в. позволил включать в рецензии неограниченное количество филологической и иной терминологии. Соответственно изменился и их адресат. Чтобы понять отзыв на стихи, изобилующий научной лексикой, нужно хорошо ориентироваться в этих категориях и обладать значительными познаниями в гуманитарной сфере; нужно быть профессиональным филологом.

В-третьих, рецензия – описание книги – приобретает черты библиографической каталожной карточки, аннотации, единицы базы данных. (Так, раздел рецензий в журнале «Воздух» имеет характерный подзаголовок «Хроника поэтического книгоиздания в аннотациях и цитатах».) Этому соответствует юридическое понятие РИД – результат интеллектуальной деятельности. Сами рецензии сжимаются до 500–600 знаков и менее, их композиция упрощается и обнажается; избавляются от лишних слов (от «воды») предложения, синтаксис становится простым, нераспространенным, назывным; исчезают риторические фигуры, размышления и т. д., их место занимают числовые метаданные – наряду с местонахождением автора книги указываются год и место ее издания и порядковый номер.

Рецензия на поэтический сборник, как правило, имеет простую композицию и состоит из вводной части («шапки»), сведений об авторе, перечисления особенностей его поэзии; непременно цитаты.

Заглавие рецензии необязательно. Иногда им жертвуют ради объема, иногда статьи просто не озаглавливаются.

Вводная часть графически выделяется полужирным шрифтом. Это усеченное библиографическое описание рецензируемой поэтической книги: автор, название, год издания и издательство. Она бывает необходима в рецензиях небольшого объема, где трудно изложить эти сведения внутри текста рецензии и не превысить норму знаков. Также появление «шапки» может быть обусловлено особенностями оформления, верстки журнала. Для обширной рецензии «шапка» – необязательный элемент.

Сведения об авторе призваны идентифицировать того, кто написал данную книгу, и с помощью первичного определения обозначить его от других авторов. В связи с этим важен выбор параметров

рецензентами. Это первый этап обособления, работа, которая производится машинально, не вполне осознанно. Сведения об авторе обычно перечисляются в начале рецензии, вплетаясь в первые ее фразы; в другом месте они могут появиться, если для рецензента по какой-либо причине сам автор неважен. Сведения об авторе включают место проживания поэта, примерное указание на его возраст, принадлежность к поэтической школе, если есть, и порядковый номер книги.

Место проживания становится обязательным элементом, если речь идет о поэте новом, не обладающем известностью и узнаваемостью, «личным брендом». Здесь географическая локация оказывается брендом-заместителем: она маркирует поэта, который перестает быть *terra incognita*; признаки места могут быть перенесены и на него. А если в регионе действует поэтическая школа, то упоминание места жительства подталкивает читателя к тому, чтобы ассоциировать поэта с уже известной школой.

Возраст указывается примерно, сугубо ориентировочно: «юный», «молодой», «немолодой» (иногда поэты из последней категории наделяются эпитетом «зрелый»). Автор молод, но при этом отнюдь не новичок. Дело, конечно, не в премии «Дебют» [6].

Наиболее часты двухфакторные сочетания сведений об авторе: например, место проживания и порядковый номер книги – «Первая книга симферопольского поэта» [7]. Тем не менее сведения об авторе могут подаваться в любой комбинации:

Второй сборник стихотворных миниатюр известной рок-певицы, выходящий спустя восемь лет после первого.

Днепропетровский поэт Станислав Бельский в последнее время довольно часто появляется в поэтической периодике... и эта книга – третья за последние три года.

Дебютная книга мало ранее публиковавшегося севастопольского поэта... открывает новую амбициозную украинскую поэтическую серию «Лоция» [7]

Новая книга стихов московского поэта, а также – переводчика, критика, историка литературы, сформулировавшей свое эстетическое кредо в манифесте «полигранизма» (декларация преимуществ автора, владеющего разными видами словесного творчества) [8].

Как видно из этих примеров, порядковый номер книги часто сопрягается со сведениями о периодичности публикаций поэта: «Среди современных поэтов, традиционно что ни год издающих по книжке, Ирина Ермакова выделяется, во-первых, тем, что публикуется очень сдержанно...» [9].

Сама по себе библиографическая арифметика мало что говорит о поэте; это малозначимые детали. Рецензенты по большому счету и сами это понимают:

Характеризовать авторов по темпу публикации ими книг вполне возможно, хотя, положив руку на сердце, подобный взгляд будет носить скорее психологический, нежели собственно историко-литературный, характер [10].

Но все-таки эти детали помогают рецензенту создать образ поэта:

Для Евгения Карасева, поэта с пятидесятилетним стажем, в течение двадцати лет исправно печатаемого ведущими литературными журналами, публикация составленного А. Скворцовым солидного тома избранного... становится не столько подведением промежуточных итогов, сколько, как ни парадоксально, первым выходом к широкому читателю [9].

Нередко рецензент добавляет в краткие био- и библиографические сведения художественные штрихи и тем самым создает подобие художественного образа – портрета поэта. Впрочем, такое портретирование было бы слишком простым литературным приемом для человека, берущего на себя смелость рассуждать о содержании целых томов стихов. Нет, портрет поэта создается с более сложными целями – сатирического изображения или, как в следующем примере, ради эффекта обманутых ожиданий:

Стихи Натальи Поляковой я больше слушал, нежели читал; слушал обычно на поэтических вечерах, на которых один за другим читали по три-четыре стихотворения несколько московских поэтов, и стихи Поляковой вполне выдерживали этот контекст. В них было все, что полагалось: интонация, образность, версификационная культура, эмоциональность (по преимуществу минорная). То есть такая вот рафинированная московская барышня, пишущая стихи, и действительно – стихи как бы камерные, лирические, «тихие». С соответствующими ожиданиями я открыл ее новую книгу и споткнулся на первой же странице [8].

Сведения об авторе дают первичную индивидуализацию его и его книги; осуществив ее, рецензент далее приступает к работе над более полной индивидуализацией.

Перечисление особенностей поэзии данного автора. Смысловая задача-максимум рецензента – обнаружить и донести до читателя

такие признаки авторского стиля и поэтической книги как плода этого стиля, которые позволяют говорить об авторе как об уникальном поэте, которого возможно отличить от всех прочих. Это называется *индивидуальным тождеством* («Пушкин – это Пушкин»). Если же рецензент считает дар поэта не уникальным, его собственная задача упрощается, но ненамного: в отрицательном отзыве поэта следует охарактеризовать как типичного представителя той или иной уникальной литературной общности – т. е. доказать его *групповое тождество*². (Уникальной – значит, отличной от других групп, при этом отличие не обязательно состоит в высоких художественных качествах произведений.) То или иное тождество непременно должно быть доказано: рецензент становится внятным для читателя только тогда, когда говорит: «Автор – это...».

Дальнейшее движение рецензента к тождеству предполагает включение поэта в интертекстуальную систему поэтических имен (субститут системы литературных стилей и направлений) путем указания связей между его творчеством и творчеством иных поэтов или литературных групп. В идеале каждый поэт и каждая книга должны занять в этой системе свое место: этому способствует труд литературного критика. Впрочем, рецензент, как правило, ограничивается лишь названием этого места, перечислением ассоциаций и не аргументирует, почему автор книги помещен именно туда, – либо аргументация имеет скрытый характер, характер намека.

Первой приходит на ум Ольга Седакова, – у них даже есть – не читателю же только чудятся? – общие интонации. Он тоже умеет говорить так, что, кажется, речь рождается одновременно с самим актом говорения. Но Айзенберг все равно другой, – он гораздо более жесток, горяч, требователен, даже агрессивен.

<Автор создает> поэтические фрагменты, генетически связанные с «новым эпосом» в его первоначальном понимании, не замутненным тоталитарной идеей нарративности... [7].

Костромской поэт Владимир Иванов серьезно прозвучал своей первой книгой «Мальчик для бытия» в 2009-м и сразу занял место среди видных фигур поколения «тридцатилетних» (как их называли в 2000-х), в которое входили М. Амелин – нынешний лауреат премии «Поэт», похоже, отчасти награжденный за поколение в целом, Д. Воденников, Д. Тонконогов и другие поэты. <...>

² Понятия «индивидуальное тождество» и «групповое тождество» взяты из теории криминалистической идентификации. В этой научной дисциплине в наибольшей степени разработана проблема тождественности-нетождественности объекта исследования.

К сожалению, дебютная книга не вызвала широкой критической рецепции. Б. Кутенков в своей рецензии на «Мальчика для бытия» в качестве единственной параллели к творчеству Иванова называл позднего Заболоцкого, чем едва ли исчерпал возникающие при чтении стихов этого автора ассоциации. <...> Но помимо Заболоцкого при чтении Владимира Иванова невольно вспоминаются и иронически-суицидальные мотивы Георгия Иванова, и инфинитивное письмо Гандлевского. «Колянч» своим сюжетом вообще приводит на ум «Проданные слезы» Сигизмунда Кржижановского... [11].

Почему поэт пишет стихи? Вряд ли он преследует явную цель показать свое Я, индивидуализировать себя самого (ибо, как известно, стихи пишут все). В отличие от него рецензент очевидным образом прикладывает к этому все усилия. Он становится первым на этом пути – а возможно, так и остается единственным.

Чтобы индивидуализировать автора, рецензент может прибегнуть и к риторическим, и к художественным средствам – и не хуже, чем сам поэт, передавать образы образами.

О литературоведческих и лингвистических особенностях обсуждаемых стихов рецензенты, как правило, высказываются весьма обобщенно: этот путь индивидуализации не самый продуктивный, если только поэт не эксплуатирует тот или иной прием постоянно и намеренно (как, например, Амарсана Улзытуев анафоры или Максим Амелин силлабический стих). В общем случае рецензент не анализирует эти аспекты авторского стиля, но может упоминать их. Иногда – преследуя специфическую цель: в подражание автору с его «языковым шумом» воспроизвести подобный же «языковой шум» с добавлением филологических терминов и так преподнести читателю портрет поэта. Здесь филологические термины становятся художественным средством:

Поэзию Банникова отличает особая организация речи: субъект его бесконечно множасьихся текстов перемещается от услышанной фразы к цитате, от сообщения в соцсети к штампу, от оскорблений к метафоре. Иными словами, языковой шум, в котором существует этот субъект, позволяет читателю каждый раз конструировать свой собственный образ Банникова [7].

Говоря о стихах, невозможно не затронуть их ритмические и метрические особенности. Рецензенты часто и охотно говорят о ритме, но их оценка ритмического аспекта стихов поверхностна. Она дается, возможно, по традиции или по инерции – и тоже по большому счету не дает вклада в индивидуализацию поэта.

Необходимо отметить, что в этой книге Месяц много работает с метрической формой. Не только характерная для него силлабо-тоника с перекрестной рифмой, но (особенно во второй половине книги) эксперименты с рифмовкой и строфикой, последовательное освоение все более свободного стиха. Нередко встречаются центоны, что ранее было для него не характерно, равно как и юмор вплоть до сарказма (например, в тексте «Мужчина и женщины»), и расширение словаря даже и за счет «блатного жаргона» («Отморозок»). Хотелось бы отметить отдельно очень интересный текст – написанную гетероморфным стихом и насыщенную тонким и печальным юмором балладу «Круговорот трех друзей». А значит, аннотация, гласящая об «обретении нового голоса», вполне справедлива; развитие поэтики Месяца идет одновременно и по пути приближения его силлабо-тонических стихов к лучшим образцам русской лирической поэзии, и по пути освоения им свободного стиха [12].

«Тоническая силлабика» Полищука (по-гаспаровски ее можно было бы назвать мнимо-силлабическим стихом, равносложным дольником) предстает не просто формальным опытом, но принципиальным способом поэтического мировоззрения... Для Полищука опыт обращения к силлабическим отрезкам есть опыт чуть ли не антропологический [10].

Пытаясь описать стиль поэта через особенности метра и ритма, рецензенты неизменно терпят фиаско. Ритм сам по себе не индивидуализирует. Но если говорить о ритме нераздельно с остальными особенностями, в частности содержательными, то можно достичь цели:

Маятник пятистопного ямба, в котором выдержано большинство стихотворений книги, отсчитывает прожитое. Стихи, связанные едиными темой и метром, перетекают друг в друга почти без запинки. На этом ровном фоне особенно ярко играют фирменные авторские приемы – когда в монотонное маятниковое движение, упорядоченный лексический строй вдруг врывается что-то острое, чужеродное, заставляющее поморщиться <упоминание о педикулезе> [11].

Тем не менее очевидно, что традиционный стиховедческий и, шире, литературоведческий багаж знаний рецензентам не помогает, а мешает. Стараясь индивидуализировать стихи, рецензенты стремятся уйти от общепринятых точных терминов, делая выбор в пользу наиболее обобщенных понятий – «темп», «традиционность», «новаторство»:

Стиховой темп то стремителен, то замедлен... [13].

Каждое его стихотворение – при общности, скажем так, темпа дыхания – выглядит настолько отдельным, что эту мысль <«сериальные» тексты> быстро отбрасываешь.

Но особое внутреннее напряжение... прочитывалось как новаторское при всей традиционности метрики [7].

Рецензенты пытаются создать свой собственный описательный язык. Они могут изъясняться окказиональными терминами, а могут традиционно для литературной критики задействовать те или иные категории из смежных областей – искусствоведения, музыковедения («неяркий», «экспрессия», «полотно», «тональность», «песня», «слух»), из театрального лексикона («жест»):

<Это произведение нравится мне> своей неяркой, но мощной экспрессией. Стихотворение, написанное человеком с идеальным поэтическим слухом [14].

Собранные вместе, эти <стихотворные> песни, смесь спиричуэлз с частушкой отчаяния, обнажают всю свою сентиментальность, скрытую за повторами и как будто игровыми обращениями [7].

«Дни» – это то, что в музыке именуется «темами и вариациями», правда, вариативность их невелика. Оно <стихотворение> выдержано в идиллической тональности... [11].

Подобная персонализация оказывается настолько сильным жестом... [7].

Менее традиционно, но гораздо шире заимствуются для объяснения стихов технические, компьютерные, медицинские термины, понятия из естественных и точных наук – «компилировать», «восприятие», «эволюционное развитие», «инерция», «оптика», «перенастройка», «уравнение», «математические начала», «комбинаторика», «биотоп», «органичный», «симптом», «эхолалия», «каталогизация», «поэтическое решение», «структурообразующий» и мн. др.

Тексты Иванова в «Мальчике для бытия» явили оригинальную оптику... [11].

Но особое внутреннее напряжение, заставляющее вспомнить строительство из предварительно напряженных конструкций, ощущение легкости и прочности от максимальной силы и устойчивости к нагрузке в каждом отдельном элементе прочитывалось как новаторское при всей традиционности метрики.

Банников дрейфует сквозь дискурсы... [7].

<Все написанное в этой книге> – работа с поэтическим восприятием читателя, – в конечном счете, разумеется, с восприятием вообще, – с его инерциями и шаблонами... Большая перенастройка этого восприятия <...>

«Энциклопедия иллюзий» ценна, прежде всего, тем, что демонстрирует нам поэтику Николая Байтова в ее (как бы это банально ни звучало) эволюционном развитии. Несомненно, лишь с учетом более ранних текстов Байтова – зачастую выстроенных в виде вереницы причудливых уравнений... математические начала байтовской поэтики чем дальше, тем больше прячутся, скрываются, маскируются за шершавой поверхностью повседневной жизни – но никуда на самом деле не исчезают. Здесь и происходит главное открытие: под тонкой пленкой человеческого быта угадывается бесстрастная работа комбинаторики...

При этом биотоп поэмы... чрезвычайно органичен для поэтики Байтова. Сомнамбулическая точность оптики поэта... здесь получают дополнительное пространство, а фирменные симптомы вроде эхоталии, заговаривания, повторов на грани каталогизации реальных вещей и поэтических решений зачастую и вовсе выступают структурообразующими точками в организации полотна текста [7].

Данные выражения могут быть речевыми украшениями («сомнамбулическая точность» – катахреза или метафора), фразеологизмами, литературными штампами («полотно текста»), но могут быть и частью собственной уникальной литературоведческой концепции, которую рецензент исподволь выстраивает в тексте своих отзывов.

Цитаты в рецензии на поэтический сборник бывают двух видов.

Во-первых, цитата-иллюстрация к тому или иному тезису рецензента. Она может быть включена, втянута в текст рецензии, которая приобретает, таким образом, полифоничность:

Название книги отражает ее содержание: поэт, конечно, смотрит на ж и з н ь – но всегда под знаком смерти, в ее предчувствии, предощущении, – возможно, оттого и некоторая «несерьезность» его тона, отказ от высокого строя речи, – зачем он, если «на этом стыдном свете / только есть, что смех и грех», если «ходит смерть по саду, по саду, / шлепая березы по заду, / вырывая титьки рябинам, / задавая розгу осинам», и если «смерть с лицом торгового агента / на тебя глядит в глазок»? Только и остается – песенка без смысла: песенка ради песенки [15].

А может быть выделена, например, отдельной строфой:

Когда я говорю «телесное впитывание», я могу сослаться на ряд стихотворений <автора>, где слово «язык» выступает и в анатомическом значении, и как средство коммуникации, плоть литературы, а письмо становится физиологическим процессом. Например, «Переводчик I»: «МЫ» –

Близнецы, сплетенные чистой слюной языка,
Мои вокругсловесные зарева проступают в тебе на тебе
С неловкой определенностью –
Татуировка,
Еще не просохшая, с кровкою след иглы,
По тебе проступает след моего письма [16].

Во-вторых, цитата-визитка (цитата-самопрезентация), которая обычно помещается в конце рецензии и – в случае мини-рецензии – может занимать до половины ее объема. Рецензент здесь подразумевает, что стихи должны говорить сами за себя.

В книге Николая Барабанова (бывшего жж-юзера Бонечкина) изобретена особая техника: страшненькие диминутивушки. Это чистый фольклор неприметной мелкой нечисти, в любой момент ныряющей в худящую из щелочек, наложенный на фольклорную же жалостливость к малому, сирому. А потом это помножено на обдуманность, мыслительность: дайте за что умирать кусочек, когда пытаются, кусманчик, чтобы не болтать.

эй, кому пирожки горячие? / мы людишки кому раскорячены? // кому жар-птица в духовке? / чудо-юдо в микроволновке? / в пирамидке кому бородавки / заваялся в каше топор? // красный конь – копыту по сковородке / черный ворон – кочегару в депо [17]

Итак, современная рецензия на поэтический сборник – это труд литературного критика по индивидуализации книги, по приведению ее к индивидуальному тождеству, тождеству самой себе. Рецензент подобен скульптору, высекающему из каменной глыбы некий неповторимый облик, и в этом облике будут акцентированы те черты, которые он, рецензент, выбрал сам и которые представляются ему важными.

Но несмотря на такой имевшийся изначально простор для творчества, традиционная литературно-художественная принадлежность рецензии все-таки меняется. Современный критик отказывается от сугубо литературных свобод – стилистического блеска, произвольного большого объема рассуждений о стихах и отвлечений в сторону от стихов, – чтобы взамен получить новые возможности: в аспекте журналистики – создавать информацион-

ное поле и управлять им, в аспекте научной критики – высказывать и защищать литературоведческие гипотезы, в аспекте каталогизации книг и отзывов на них – уместить максимум сведений о поэте в минимальном объеме знаков. Роль рецензента в литературном процессе по-прежнему активна – но активна по-иному.

Литература

1. Теория литературных жанров / Под ред. Н.Д. Тмарченко. М.: Академия, 2011. 256 с.
2. Гроссман Л.П. Жанры художественной критики // Искусство. 1925. № 2. С. 61–81.
3. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
4. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. М.: Аграф, 2002. 496 с.
5. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект-пресс, 2006. 312 с.
6. Пермяков А. Ладонь – небо (Лета Югай. Забыть-река) // Новый мир. 2015. № 8. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/8/20perm.html (дата обращения 20.10.2018).
7. Состав воздуха. Хроника поэтического книгоиздания в аннотациях и цитатах // Воздух. 2016. № 2. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-2/hronika/> (дата обращения 20.10.2018).
8. Книги / Сост. С. Костырко // Новый мир. 2016. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/6/knigi.html (дата обращения 20.10.2018).
9. Погорелая Е., Саломатин А. Из книжных лавок // Арион. 2014. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2014/4/15p.html> (дата обращения 20.10.2018).
10. Давыдов Д., Муратханов В. Из книжных лавок // Арион. 2015. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2015/2/15dm.html> (дата обращения 20.10.2018).
11. Погорелая Е., Ковалев Н., Перельмутер В. Из книжных лавок // Арион. 2017. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2017/2/iz-knizhnyh-lavok.html> (дата обращения 20.10.2018).
12. Вязмитинова Л. Песня, пропетая над 2014 годом (Вадим Месяц. Стихи четырнадцатого года) // Новый мир. 2016. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/6/pesnya-propetaya-nad-2014-godom-vadim-mesyac-stihi-chetyrnadcat.html (дата обращения 20.10.2018).
13. Прочитанные книги // Дети Ра. 2015. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/ra/2015/7/15sk.html> (дата обращения 20.10.2018).
14. Денисова О. Елена Ерофеева-Литвинская, «Признание» // Дети Ра. 2015. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/ra/2015/7/17d.html> (дата обращения 20.10.2018).
15. Сокольский Э. Прочитанные книги // Дети Ра. 2018. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/ra/2018/5/knizhnaya-polka-emilya-sokolskogo.html> (дата обращения 20.10.2018).

16. *Мурашов А.* Сад языка (Полина Барскова. Хозяин сада) // Новый мир. 2016. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/7/sad-yazyka-polina-barskova-hozyain-sada.html (дата обращения 20.10. 2018).

References

1. Tamarchenko ND., ed. Theory of literary genres. Moscow: Akademiya Publ.; 2011. 256 p. (In Russ.)
2. Grossman L. Genres of art criticism. *Iskusstvo*. 1925;2:61-81. (In Russ.)
3. Todorov Tz. Introduction to fantastic literature. Moscow: Dom intelektual'noi knigi Publ.; 1999. 144 p. (In Russ.)
4. Tynyanov Y. Literary evolution. Selected works. Moscow: Agraf Publ.; 2002. 496 p. (In Russ.)
5. Tertychny A. Genres of periodicals. Moscow: Aspekt-press Publ.; 2006. 312 p. (In Russ.)
6. Permyakov A. Hand – sky (Leta Yugay. River Forget). *Novyi mir*. 2015. № 8. [Internet]. [data obrashcheniya 20 oct. 2018]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/8/20perm.html. (In Russ.)
7. Air composition. The chronicle of poetry book publishing in annotations and quotes. *Vozdukh*. 2016. № 2. [Internet]. [data obrashcheniya 20 oct. 2018]. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-2/hronika/>. (In Russ.)
8. Kostyrko S., comp. Books. *Novyi mir*. 2016. № 6. [Internet]. [data obrashcheniya 20 oct. 2018]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/6/knigi.html. (In Russ.)
9. Pogorelaya E., Salomatin A. From bookstores. *Arion*. 2014. № 4. [Internet]. [data obrashcheniya 20 oct. 2018]. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2014/4/15p.html>. (In Russ.)
10. Davydov D., Muratkhanov V. From bookstores. *Arion*. 2015. № 2. [Internet]. [data obrashcheniya 20 oct. 2018]. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2015/2/15dm.html>. (In Russ.)
11. Pogorelaya E., Kovalev N., Perelmuter V. From bookstores. *Arion*. 2017. № 2. [Internet]. [data obrashcheniya 20 oct. 2018]. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2017/2/iz-knizhnyh-lavok.html>. (In Russ.)
12. Vyazmitinova L. The song, sung over 2014 (Vadim Mesyats. Poems of 2014th). *Novyi mir*. 2016. № 6. [Internet]. [data obrashcheniya 20 oct. 2018]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/6/pesnya-propetaya-nad-2014-godom-vadim-mesyac-stihi-chetyrnadcat.html. (In Russ.)
13. The read books. *Children of Ra*. 2015. № 7. [Internet]. [data obrashcheniya 20 oct. 2018]. URL: <http://magazines.russ.ru/ra/2015/7/15sk.html>. (In Russ.)
14. Denisova O. Elena Erofeeva-Litvinskaya, “Confession”. *Children of Ra*. 2015. № 7. [Internet]. [data obrashcheniya 20 oct. 2018]. URL: <http://magazines.russ.ru/ra/2015/7/17d.html>. (In Russ.)
15. Sokolskii E. The read books. *Children of Ra*. 2018. № 5. [Internet]. [data obrashcheniya 20 oct. 2018]. URL: <http://magazines.russ.ru/ra/2018/5/knizhnaya-polka-emilya-sokolskogo.html>. (In Russ.)
16. Murashov A. Language garden (Polina Barskova. Owner of garden). *Novyi mir*. 2016. № 7. [Internet]. [data obrashcheniya 20 oct. 2018]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/7/sad-yazyka-polina-barskova-hozyain-sada.html. (In Russ.)

Информация об авторе

Елена В. Новожилова, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; elena.v.novozhilova@yandex.ru.

Information about the author

Elena V. Novozhilova, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russia; elena.v.novozhilova@yandex.ru.

Репутация и канонизация: нобелевский случай Боба Дилана

Юрий В. Доманский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, domanskii@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются процесс канонизации лауреата Нобелевской премии по литературе 2016 г. Боба Дилана в статусе поэта и, следовательно, процесс перехода искусства песни в разряд литературного творчества. Методологической основой является вышедшая почти сто лет назад работа Ивана Никанороовича Розанова «Литературные репутации». Новизна статьи в том, что прежде данный объект (получение Бобом Диланом Нобелевской премии по литературе) и данный предмет (репутация и канонизация в том виде, в каком понимал их И.Н. Розанов) в филологии относительно друг друга не рассматривались. В результате делаются выводы о том, что канонизация Дилана как поэта если и не осуществилась, то уже очень к осуществлению близка. Переход же песни в разряд литературы пока что еще не произошел. Однако, с другой стороны, можно сказать, что решение Нобелевского комитета знаменует собой констатацию следующего: с литературой в ее привычном виде что-то случилось, теперь она обретает непривычные прежде форматы, ищет и находит их новые для себя способы реализации. И те, кто присуждал Дилану премию, не придумали это, они всего лишь признали это как факт – факт актуального литературного процесса.

Ключевые слова: литературная репутация, канонизация, песня, литература, Нобелевская премия, И.Н. Розанов, Боб Дилан

Для цитирования: Доманский Ю.В. Репутация и канонизация: нобелевский случай Боба Дилана // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. Ч. 2. С. 171–179. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-171-179

From reputation to canonization. The case of Bob Dylan's Nobel

Yuri V. Domanskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, domanskii@yandex.ru*

Abstract. The article examines the canonization process of Bob Dylan, the 2016 laureate of the Nobel Prize in Literature, as a poet, and thus the process of transition of the art of song into the sphere of literary work. The analysis is based on Ivan Rozanov's work "Literary Reputations", which appeared almost 100 years ago. A novelty of the article is that earlier the object (Bob Dylan's receiving the Nobel Prize in Literature) and the subject (the reputation and canonization in the form in which I.N. Rozanov understood them) were not considered relative to each other in philology. As a result, it is concluded that, if the canonization of Dylan as a poet is not realized, then it is very close to the realization. The inclusion of song in the realm of literature has not yet taken place, but the decision of the Nobel committee confirms that something has happened to literature as we usually think of it: it is acquiring previously unconventional formats, seeking and finding for itself new methods of its realization. The decision to award the prize to Dylan was not a whim on the part of the Nobel Committee, but a simple recognition of a fact in the current literary process.

Keywords: literary reputation, canonization, song, literature, Nobel Prize, I.N. Rozanov, Bob Dylan

For citation: Domanskii YuV. From reputation to canonization. The case of Bob Dylan's Nobel. *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary criticism. Linguistics. Cultural Studies" Series.* 2019;2:171-179. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-171-179

Еще в 20-е годы прошлого века И.Н. Розанов задумался над проблемой литературной репутации, в рамках которой всерьез размышлял о том, как, когда, при каких условиях происходит канонизация классиков. Исследователь поставил перед собой задачу «затронуть хотя бы поневоле совершенно неразработанный вопрос, как вообще происходит производство в образцовые писатели, т. е. в классики» [1 с. 117]. Век прошлый и век нынешний показали, что Нобелевская премия по литературе, являясь результатом прижизненной канонизации писателя, вместе с тем выступает и как повод к канонизации, как прямая причина сказать: перед нами классик. Тем самым репутация писателя переформатируется, канонизация его либо формально закрепляется (если она уже случилась до присуждения Нобелевской премии), либо осуществляется. Более привычным способом канонизации оказывается смерть – традиционно

переломный этап в репутации. И Нобелевская премия по литературе в этой логике – своего рода смерть при жизни; смерть, если можно так сказать, в хорошем смысле: слава, почет, уважение к нобелевскому лауреату похожи на те, что бывают, когда писатель покидает этот мир.

Однако случай, который будет рассмотрен в данной статье, примечателен тем, что здесь происходит канонизация не только человека-нобелиата (канонизация здесь – и констатация того, что и так уже случилось, и повод к тому, что теперь все это должны признать), но и статусный переход его художественной репутации из представителя одного искусства в представителя искусства другого – из представителя искусства песни в представителя искусства поэзии, литературы. Вместе с этим происходит и еще один процесс – уже не личностного, а более глобального масштаба: песня начинает пониматься как литература.

Нобелевскую премию по литературе в 2016 г. присудили Бобу Дилану. Как следует из официальной формулировки – «за создание новых поэтических выражений в великой американской песенной традиции».

Можно выделить два типа реакции публики на данное событие. Первый тип совпадает с тем упреком, который отечественные исследователи рок-поэзии слышат от коллег-филологов уже два десятка лет: песни это не литература. В проекции на Дилана реакция, если как-то обобщить, такова: Дилан, конечно, велик как автор песен и их исполнитель, но на каком основании ему дали Нобелевскую премию по *литературе*? Во втором же типе реакции на присуждение Дилану премии можно увидеть своего рода гарантийное письмо тем филологам, которые исследуют песенный материал, ведь *сам Нобелевский комитет* признал песни литературой! Вслед за тем и некоторые коллеги Дилана высказались в том ключе, что новоявленный нобелиат именно поэт, а то, чем он занимается, – именно литература. Вот несколько таких суждений: «Ты всегда был главным, наш поэт и крутой чувак» (Денни ДеВито); «Его завораживающая музыка и стихи всегда казались, в самом глубоком смысле, “литературой”» (Джойс Кэрол Оутс); «...это великий день для литературы, и мы все чествуем Боба, мастера слова» (Том Уэйтс); «Боб – наш собственный Уолт Уитман» (Мик Джаггер)¹. Секретарь Нобелевского комитета Сара Даниус

¹ Боба Дилана поздравляют с Нобелевской премией коллеги-музыканты и коллеги-писатели. Подбор цитат: Андрей Мягков // ГодЛитературы.РФ. URL: <https://godliterature.ru/projects/bob-dilan-nobelevskiy-laureat> (дата обращения 07.12.2018).

связала Дилана с Гомером и Сапфо – их произведения тоже можно было петь². Показательно название одного из материалов, приуроченных к присуждению Бобу Дилану Нобелевской премии, – «Теперь это литература»³. Очень глубоко в данном ключе высказался Александр Зайцев: «Границу между литературой и музыкой размыл не Нобелевский комитет. Это сделал Дилан, превратив песню в нечто большее, чем просто развлечение... благодаря ему песенная лирика усвоила приемы высокой поэзии. А высокая поэзия, в свою очередь, усвоила его приемы: достаточно вспомнить таких крупных поэтов, как Пол Малдун и Эндрю Моушн»⁴. Как видим, Александр Зайцев представил принципиально обратную относительно сказанного многими причинно-следственную связь: Нобелевская премия – лишь результат того, что сделал Дилан с искусством песни

Вообще, все те, кто приветствуют решение Нобелевского комитета, как-то очень уж нарочито, очень настойчиво заявляют, что песни Дилана – именно поэзия, именно литература; создается даже ощущение, будто таким образом они самих себя стараются убедить в этом. Любят припомнить, например, что Дилан родился в один день с Иосифом Бродским – «чистым» поэтом и лауреатом Нобелевской премии; оба родились 24 мая, только Дилан в 1941-м, а Бродский в 1940-м. И не только высказывания здесь важны, важно и то, что можно назвать делами. Так, в 2018 г. в России вышла в свет книга «Боб Дилан: 100 песен и портретов» [2]. Издание представляет собой большеформатный и объемный – 576 страниц – том, в котором собраны тексты 100 песен Дилана на языке оригинала, даны небольшие комментарии к ним (часто это цитаты из разных источников) и переводы песен, сделанные известными нашими поэтами, музыкантами, художниками; всё это сопровождается фотопортретами Дилана. Но – к каждому из 100 текстов присовокуплены ноты. Значит, не совсем литература?

Да и сам Дилан как-то не очень склонен считать свои песни литературой. В Нобелевской речи он актуализирует оппозицию этих двух видов искусства. Впрочем, данная точка зрения

² «Глубоко печальная новость»: Олег Соболев о Нобелевской премии для Боба Дилана // Афиша Daily. URL: <https://daily.afisha.ru/music/3281-nu-i-ladno/> (дата обращения 07.12.2018).

³ Теперь это литература // Tvrain.ru. URL: https://tvrain.ru/articles/10_dilana-418903/ (дата обращения 07.12.2018).

⁴ Почему музыкант Боб Дилан получил Нобелевскую премию по литературе? // THE QUESTION. URL: <https://thequestion.ru/questions/171013/pochemu-muzykant-bob-dilan-poluchil-nobelevskuyu-premiyu-po-literature> (дата обращения 07.12.2018).

не помешала Дилану получить Нобелевскую премию именно по *литературе*. Что ж, он всегда был натурой неоднозначной и даже противоречивой, вспомним, например, два его высказывания из фильма Мартина Скорсезе «No Direction Home: Bob Dylan» (2005; «Нет пути назад: Боб Дилан»); первое относится к 1966 г.: «Все мои песни – это песни социального протеста, все до одной, всё, что я делаю, – это протест»; второе – к 2005 г.: «Я никогда не писал песен социального протеста». Но вернемся к размышлениям Боба Дилана о том, чем являются его песни в плане соотношения их с литературой. Сначала реплика из присланной им речи, когда сам лауреат не смог приехать на вручение:

...никогда в жизни у меня не было времени спросить себя: «А мои песни – это литература?»

Так что я говорю огромное спасибо Шведской академии – и за то, что она потратила время, чтобы ответить на этот вопрос, и за то, что этот ответ оказался таким прекрасным⁵.

В самой же нобелевской речи Дилан был не столь лоялен в плане отнесения песен к литературе. Уже в начале он сказал:

Едва получив эту Нобелевскую премию по литературе, я задумался, как именно мои песни относятся к литературе? Мне захотелось об этом поразмышлять и посмотреть, в чем тут связь⁶.

Далее почти вся речь оказалась сосредоточена на трех *литературных* произведениях; это «Моби Дик» Мелвилла, «На Западном фронте без перемен» Ремарка и «Одиссея» Гомера. Дилан пересказывает сюжет «Моби Дика», делая то, что можно назвать описательным анализом; роман Ремарка Дилан определяет как «роман ужасов» и пытается передать ощущения от его восприятия, размышляя о том кошмаре, что преследует человека в течение всей жизни; «Одиссею» Дилан называет «странной авантурной сказкой»⁷ и оценивает приключения героя в проекции на себя. Отметим и вывод нобелевской речи Боба Дилана:

⁵ «У меня не было времени спросить себя: “А мои песни — это литература?”» Нобелевская речь Боба Дилана // Медуза. URL: <https://meduza.io/feature/2016/12/11/u-menya-ne-bylo-vremeni-sprosit-sebya-a-moi-pesni-eto-literatura> (дата обращения 07.12.2018).

⁶ Дилан Б. Нобелевская лекция // ГодЛитературы.РФ. URL: <https://godliteratury.ru/public-post/bob-dilan-nobelevskaya-lekciya> (дата обращения 07.12.2018).

⁷ Дилан Б. Нобелевская лекция.

Если песня вас трогает, только это и важно. Мне вовсе не нужно знать, что песня означает. Я в свои песни вписывал всякие темы. И переживать из-за этого не намерен – из-за того, что это значит⁷.

Итоговая же мысль, касающаяся вопроса, является ли песня литературой, предельно однозначна:

Песни не похожи на литературу. Их полагается петь, а не читать. Слова в пьесах Шекспира полагалось разыгрывать на сцене. Так же и слова песен надо петь, а не читать на странице. И я надеюсь, что кому-то из вас выпадет случай послушать эти слова так, как их изначально и нужно было слышать, – на концерте или в записи, или как еще люди нынче слушают песни⁸.

Пожалуй, комментарии излишни. Добавим только еще одно наблюдение – уже над ситуацией в отечественной песенной поэзии. Так, барды, представители авторской песни зачастую настаивали на том, что они не певцы, а именно поэты; или, по крайней мере, хотели себя видеть таковыми. Например, Окуджава приходил на свои выступления без гитары (другое дело, что публика тут же находила гитару для него, не желая видеть в нем просто читающего стихи поэта, а требуя песен). Или вот цитата из книги Владимира Новикова о Высоцком:

На концертах Высоцкий привык уже говорить: это современный вид литературы своего рода, если бы магнитофоны существовали сто пятьдесят лет назад, то какие-нибудь из стихов Пушкина тоже остались бы только в звуковой записи. Но это немножко самоутешение: все-таки есть волшебство в этих комбинациях букв, которые таинственным образом воспаряют над страницей и сто, и двести лет после написания [3 с. 170].

Иное дело наши рокеры. Да, они издают тексты своих песен в книжном формате, но зачастую считают нужным подчеркнуть, что это именно песни. Андрей Макаревич в предисловии к своей книге пишет: «Книжка эта составлена на девяносто процентов из слов песен и только на десять – из стихов. Слова песни – это не стихи второго сорта. Это часть произведения, сделанного из музыки и слов по законам своего жанра, поэтому слова, оторванные от мелодии и ритма, самостоятельным произведением, на мой взгляд, не являются. Во всяком случае, мне бы хотелось, чтобы читатель напевал их хотя бы про себя, а не читал протяжно и с подвывани-

⁸ Там же.

ем, как обычно поступают со стихами» [4 с. 8]. Борис Гребенщиков одно из первых изданий своего поэтического творчества в книжном виде поделил на два тома: на «Песни» [5] и на «Не песни» [6]. Представляется, что в такого рода суждениях и поступках реализуется авторский взгляд на одну из важнейших проблем песенного искусства вообще: слово в песне – это Слово или это просто одна из партий – сродни партии того или иного музыкального инструмента? Вот как спорят на этот счет персонажи нового романа Алексея Иванова:

– Стихи не имеют значения, – отмахнулась Анастасийка. – Всё зависит от звука. Песня – прежде всего вокал.

<...>

– Песня – это слова, – упрямо сказал Валерка.

– Ты не разбираешься в искусстве! – небрежно ответила Анастасийка. – Слова – всякие глупости [7 с. 295].

Таким образом, не редка сегодня точка зрения, согласно которой голос, вокал – не способ трансляции вербальных значений и даже не метод формирования контекстуальных смыслов, а один из музыкальных инструментов; потому для слушателя зачастую и не важно, на каком языке поют. Что уж тут говорить о смыслах вербального компонента песни – их для слушателя может и не быть, ведь важен просто звук.

Итак, проблема понимания песни как искусства слова и репутации автора-исполнителя как поэта родилась не вчера. И решение Нобелевского комитета в 2016 г. проблему эту актуализировало. Решило ли? Многие, включая самого нобелиата, признают: песни – это не литература. В таком случае получается, что даже Нобелевская премия по *литературе*, присужденная *певцу* Бобу Дилану, не только не дала ответа на вопрос о статусе слова в песне, но и в итоге еще больше обострила проблему. Канонизация Дилана, конечно, случилась (думается, еще до того, как премия досталась ему; вновь укажем здесь, что присуждение главной литературной награды – и повод к канонизации, и констатация того, что канонизация свершилась). Более того, формально утвердилась его канонизация как поэта. Однако о том, что песня – это литература, говорить пока что рано. Непонятно даже, сделан ли шаг в сторону такого понимания или же в сторону от него. Да и по вопросу канонизации Дилана как поэта еще не все ясно, ведь Дилан существует в настоящее время.

Авторы бывают бессмертны постольку, поскольку последующие поколения читателей воспринимают их как явления прошлого.

Но часто в пылу полемики слишком поспешно хоронят того, кто не угодил данному моменту, но завтра же может опять восприниматься свежо и по-новому [1 с. 123].

Однако как бы то ни было, а решение Нобелевского комитета знаменует собой констатацию следующего: с литературой в ее привычном виде что-то случилось, теперь она обретает непривычные прежде форматы, ищет и находит новые для себя способы реализации. И те, кто присуждал Дилану премию, не придумали это, они всего лишь признали это как факт – факт актуального *литературного* процесса, где песни пусть пока и не являются фактами поэзии, но уже готовы к тому, чтобы с полным правом таковыми стать.

Впрочем, в 2018 г. Нобелевская премия по литературе не присуждалась. Может, это и есть итог того, что произошло с искусством слова, и предвестие того, что с ним произойдет в грядущем?

Литература

1. Розанов И. Канонизация классиков // Литературные репутации. М.: Никитинские Субботники, 1928. 147 с.
2. Дилан Б. 100 песен и портретов. СПб.: Пальмира; Книга по требованию, 2018. 576 с.
3. Новиков В.И. Высоцкий. М.: Молодая гвардия, 2002. 413 с. (Жизнь замечат. людей: Сер. Биогр.; Вып. 829).
4. Макаревич А.В. Семь тысяч городов. Стихи и песни. М.: ТРИЭН, ЭКСМО-Пресс, 2000. 432 с.
5. Б.Г. Песни. Тверь: ЛЕАН, 1996. 464 с.
6. Б.Г. Не песни. Тверь: ЛЕАН, 1997. 190 с.
7. Иванов А.В. Пищеблок: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 413 с.

References

1. Rozanov I. Literary reputation. Moscow: Nikitinskies Subbotniki Publ.; 1928. Canonization of the classics. 147 p. (In Russ.)
2. Dylan B. 100 songs and portraits. Saint Petersburg: Pal'mira; Kniga po trebovaniyu Publ.; 2018. 576 p. (In Russ.)
3. Novikov VI. Vysotsky. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.; 2002. 413 p. (Life of Remarkable Individuals. Ser. Biogr.; Issue 829). (In Russ.)
4. Makarevich AV. Seven thousand cities. Poems and songs. Moscow: TRIEN, EKSMO-Press Publ.; 2000. 432 p. (In Russ.)
5. B.G. Songs. Tver': LEAN Publ.; 1996. 464 p. (In Russ.)

6. B.G. Not songs. Tver': LEAN Publ.; 1997. 190 p. (In Russ.)
7. Ivanov AV. Catering place. A novel. Moscow: AST; Ed. by Elena Shubina Publ; 2019. 413 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Юрий В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; domanskii@yandex.ru

Information about the author

Yuri V. Domanskii, Dr. Of Sci. (Literature), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; domanskii@yandex.ru

Великое переселение народов: исторический опыт миграций переходной эпохи

Вера П. Буданова

*Институт всеобщей истории Российской академии наук,
Москва, Россия, vrdudanova@yandex.ru*

Аннотация. Предметом анализа статьи является новый подход к пониманию Великого переселения народов как исторического этапа перехода от древности к Средневековью. Ставится вопрос о миграционных процессах, которые впервые в истории стали частью взаимодействия цивилизации и варварского мира. Обращено внимание на эсхатологическое восприятие последствий миграций в письменной традиции, на становление понятия «Великое переселение народов» в европейской историографической традиции.

В статье обозначены критерии, факторы и причины массовых передвижений племен II–VII вв., направления основных миграционных потоков. Автор впервые ставит вопрос о взаимосвязи европейской и азиатской моделей Великого переселения. В ходе анализа выделены три этапа Великого переселения: германский, гуннский и славянский. Этапы различались этническим составом, типом мобильности и характером последствий. Сформулирован вывод о том, что на германском этапе (III–IV вв.) движение мигрантов проходило в форме перемещения отдельных дружин, профессиональной и деловой миграции, переселения небольших, а затем и крупных племен. На гуннском этапе особый миграционный мир кочевых передвижений (IV–V вв.) стимулировал новый массовый исход племен Барбарикума. Славянский этап миграций (VI–VII вв.) впервые включен в контекст парадигмы Великого переселения народов. Исследование опыта европейских миграций II–VII вв. помогает осмыслению процессов взаимодействия греко-римской средиземноморской цивилизации и варварского мира.

Ключевые слова: Великое переселение народов, Римская империя, Ханьская империя, цивилизация, варвары, варварский мир, германцы, гунны, славяне

Для цитирования: Буданова В.П. Великое переселение народов: исторический опыт миграций переходной эпохи // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. Ч. 2. С. 180–196. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-180-196

The Great Migration of Peoples. A historical experience of the migrations of the Transitive Epoch

Vera P. Budanova

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, vpdudanova@yandex.ru*

Abstract. The subject of the article is a new approach to the understanding of the Great Migration of Peoples as a historical stage in the transition from Antiquity to the Middle Ages. It raises the question of migration processes, which for the first time in history became the part of an interaction of a civilization and the barbaric world. The attention is drawn to the eschatological perception of the consequences of migrations in the written tradition, and to the formation of the “Great Migration of Peoples” concept in the European historiographical tradition.

The article outlines the criteria, factors and causes of mass movements of tribes in 2nd–7th centuries, the direction of the main migration flows. Also the author for the first time raises the question of the relationship between European and Asian models of the Great Migration. The analysis identified three stages of the Great Migration: German, Hun and Slavic. The stages differed in the ethnic composition, type of mobility and nature of the consequences. It is concluded that at the German stage (3^d–4th centuries) the movement of migrants took place in the form of the separate squads movement, the professional and business migration, the resettlement of small and then large tribes. At the Hun stage the special world of nomadic migration movements (4th–5th centuries) stimulated the new mass outcome of the tribes of Barbaricum. The Slavic stage of migration (6th–7th centuries) is first-ever included in the context of the Great Migration paradigm. The study of the experience of European migrations of the 2nd–7th centuries helps to understand the processes of interaction of the Greco-Roman Mediterranean civilization and the barbaric world.

Keywords: Great Migration of Peoples, Roman Empire, Han Empire, civilization, barbarians, barbarian world, Germans, Huns, Slavs

For citation: Budanova VP. The Great Migration of Peoples. A historical experience of the migrations of the Transitive Epoch. *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary criticism. Linguistics. Cultural Studies” Series*. 2019;2:180-196. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-180-196

Введение

На протяжении всей истории человечества передвижения людей были достаточно распространенным явлением. Однако историки отличают великие переселения народов как этапы наивысшего подъема миграционной активности в каком-либо регионе земного

шара и «Великое переселение народов» как условное название периода между древностью и Средневековьем, когда миграционные процессы впервые стали частью сложного взаимодействия цивилизации и варварского мира. При этом своей наиболее интенсивной фазы крупномасштабные миграции рубежа древности и Средневековья достигают именно в момент наивысшего противостояния между центром цивилизации и ее варварской периферией. В Европе Великое переселение народов – это не только конец античности и начало процесса формирования средневековой цивилизации. Европейское Переселение народов как самостоятельный и достаточно продолжительный исторический этап составляло часть всемирно-исторического процесса перехода от поздней древности к средневековью, который развернулся также и в Восточной Азии.

Во II–VII вв. Европа, Азия и Северная Африка были охвачены обширным миграционным движением, серией переселений племен. Европейский континент стал ареной германских, тюркских и славянских перемещений с периферии Римской империи на ее территорию и в ее пределах. Основные миграционные потоки здесь двигались с севера на юг и на юго-восток [1]. В Восточной Азии шли этнические перемещения с северных окраин Ханьской империи на ее территорию и также в ее пределах [2,3]. В ходе этих перемещений часть кочевых племен ушла на северо-запад в Приуралье, а затем двинулась к Северному Причерноморью, где слилась в один поток с восточным крылом европейских варваров–мигрантов. Их дальнейшее движение было направлено к границам Римской империи. Таким образом, Великое переселение народов как довольно значительный во времени (II–VII вв.) и пространстве (Европа, Азия, Африка) этап мировой истории представляет как «европейскую», так и «азиатскую» модели завершения поздней древности [4]. В рамках системной парадигмы «европейская» модель Переселения представлена взаимодействием Римской цивилизации и Барбарикума, «азиатская» – кочевого племенного мира и Ханьской империи.

Первая попытка дать терминологическое определение передвижениям народов (*migrationes gentium*) в Европе на рубеже античности и Средневековья как уникальному целостному явлению встречается в сочинении придворного историка императора Фердинанда I немецкого гуманиста XVI в. Вольфганга Лациуса. В 1778 г. немецкий историк Михаэль Игнац Шмидт назвал европейские миграции германских племен *Wanderung der Völker*, и только в 1791 г. Иоганн Готфрид Гердер завершил терминологическую редакцию, предложив определение – *die Völkerwanderung* [5]. В современной историографической традиции в интерпретации европейского переселения народов утвердились различные мемы-определения

о «вторжении» (*Invasion*), «переселении» (*Wanderung*), «великой миграции» (*Great Migration*), «великих вторжениях» (*Grandes Invasions*), «эпохе миграций» (*Age of Migrations*).

До недавнего времени в исторической науке считалось устоявшимся и широко распространенным суждение о Великом переселении народов как о явлении европейской истории, когда передвижения племен в IV–VII вв. способствовали крушению Римской империи [6]. В разных исторических контекстах смысл Переселения сводился к натиску многочисленных и жестоких варваров, которые, пройдя по степям и лесам Европы, сначала поставили тщеславную Римскую империю на колени, а потом стали основной причиной ее падения. Главный итог миграций – греко-римская средиземноморская цивилизация не умерла собственной смертью, а ее убили варвары [7,8,9,10,11,12,13,14,15,16,17,18].

С одной стороны, эта стандартная модель Великого переселения ограничена только европейским регионом. С другой – в ней а priori отражено преимущественно противостояние, конфликт, агрессия, когда война рассматривается как единственная форма взаимоотношений Римской цивилизации и Барбарикума. Однако восприятие времени современниками и непосредственно участниками переселений, так называемый совокупный пространственно-временной этно-политический «портрет» этого исторического явления, представляется куда более сложным.

Периодизация Великого переселения народов

Для историков очевидна политическая и социально-историческая стратификация, маркирующая событийные потоки Великого переселения народов с их условным делением на три этапа: «германский» (II–IV вв.) от Маркоманнских войн (166–180 гг.) до Адрианопольского сражения (378 г.), «гуннский» (IV–V вв.) – между Адрианопольским сражением и битвой на Каталаунских полях (451 г.), «славянский» (VI–VII вв.), связанный с передвижением в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе славянских племен. Каждый этап темпорально многослоен, так как цивилизация и варварские миры пребывали в разных временах. Также эти этапы отличаются составом мигрантов, выбором пути и направлением миграций, удовлетворенностью ее результатами. У двигавшихся варваров-мигрантов были разные настроения относительно тех, с кем они встречались на пути своего движения, разные позиции относительно взаимодействия с цивилизацией. В качестве критерия, который бы определял «начало» и «конец» Великого переселения, вполне применим, во-первых, пространственный фактор в виде появления (или ликвидации) технически оснащен-

ной границы (*limes*, Великая китайская стена), разделяющей два мира, две подсистемы: Римская цивилизация – Барбарикум, кочевой племенной мир – Ханьская империя [19 с. 124–127; 20 с. 39; 21 с. 115]. Во-вторых, это миграционный фактор в виде начала/завершения расселения варваров в пределах Империи как в Европе, так и в Азии. Вуаль так называемых «варварских королевств» к VII в. окончательно скрыла очертания Западной Римской империи, завершая миграционные процессы как таковые [22,23,24,25,6]. Наконец, в-третьих, существенным маркирующим может быть и юридический фактор в виде эдикта Каракаллы 212 г. и реформы Лю Бана 202 г. до н. э., которые стали своего рода «точкой невозврата», ибо гражданство перестало быть привилегией и превратилось в подданство [26 с. 23]. Точки отсчета достаточно формализованы, поэтому периодизация Переселения имеет условный ориентирующий характер. Однако эта условная эмпирически-подручная временная шкала европейских миграций позволяет отчасти хотя бы структурировать и концептуализировать как в исследовательской, так и в педагогической практике значительный содержательно насыщенный и перегруженный лакунами и спорной проблематикой событийный поток Великого переселения.

Причины Великих миграций

Массовое переселение народов было вызвано комплексом причин: изменением климатических условий среды обитания варварских племен, высоким уровнем плотности населения, лавинообразным характером миграций, провокативным влиянием и воздействием на варваров соседних цивилизаций. Так, Римская империя на протяжении нескольких столетий втягивала германские племена в сферу своего влияния, тем самым стимулировала их миграции. Взаимодействие включало военные (территориальная экспансия, войны, военные конфликты), политические (предоставление римского гражданства), дипломатические («гостеприимство», институт заложенничества), экономические (сеть торговых дорог, пунктов разрешенных торговых операций, право посреднической торговли) и иные контакты и влияния. Качественные сдвиги в экономике, происходившие у германцев и славян накануне Переселения, привели к росту общественного богатства, что создавало возможность для содержания большого числа людей, не занятых производительным трудом. Возрастающая по численности знать испытывала потребность в накоплении богатств, средством добывания которых становились походы на земли Римской империи (у германцев) и Византии (у славян). Ханьская империя

также оказывала влияние на миграционную активность кочевых племен Восточной Азии. Причины миграций варваров-кочевников в большей степени были связаны с природными факторами, влияние которых на номадические общества сильнее, чем на общества земледельческие.

Атмосфера восприятия Великого передвижения племен

Безусловно, европейские миграции и переселения народов – это схватка варварства и цивилизации, трагедия и катастрофа в оппозиции «мы–они». Ключевые слова в характеристике этого времени принадлежат Аммиану Марцеллину, который считал, что «дикие народы дали простор своей наглости» [27, XX. 5, 3], хотя, как сейчас уже известно, в IV в. в Римскую империю пришел не Дикарь, а Варвар. Обратим внимание также и на то, что, как показывает письменная традиция, в большинстве своем размышления людей того времени о передвижениях варваров наполнены эсхатологическими настроениями. Так, например, Клавдий Клавдиан, секретарь Стилихона, находясь в гуще политических событий и принимая в них самое активное участие, пишет, что «Европа до пределов зеленеющей Далмации отдается на поношение и на добычу гетским полчищам: вся земля, которая лежит между зубучей поверхностью Понта и адриатическими волнами, принимает одичалый вид, лишенная стад и не обитаемая никакими земледельцами» [28, In Ruf. II, 46–40]. В одном из писем Иероним с болью восклицает: «Душа ужасается перечислить бедствия наших времен. Уже двадцать лет и более того, как римская кровь ежедневно льется между Константинополем и Альпами Юлийскими. Скифию, Фракию, Македонию, Дарданию, Дакию, Фессалию, Ахайю, Эпиры, Далматию и все Паннонии опустошают, тащат, грабят гот, сармат, квад, алан, гунны, вандалы и маркоманы» [29, Epistol. LX, 16].

Но представления греко-римской интеллектуальной элиты об атмосфере и умонастроениях эпохи Великих миграций совмещают не только «нисходящие» (поражения, гибель народов и правителей, потери, бедствия, моральный разлад, дезориентацию и др.), но и «восходящие» (завоевания, победы, дипломатические успехи, романизацию, обращение варваров и др.) изменения [30,31,32,19,33,34 с. 220–227]. Миграции и переселения сопровождались как деструктивной, разрушительной, так и созидательной деятельностью. Причем как со стороны варварского мира, так и сопредельной цивилизации.

Германский этап переселения племен

В Европе движение народов началось с опустошительных Маркоманнских войн, в которых принимали участие племена, обитавшие вблизи границ Римской империи [19 с. 98–127, 35]. В Восточной Азии Маркоманнским войнам, пожалуй, соответствовали массированные вторжения в пределы северных районов Ханьской империи (202 г. до н. э. – 25 г. н. э.) кочевых племён сюнну. Это первое масштабное противостояние варварскому миру Римская империя выиграла, а Китайская в первых войнах с сюнну его проиграла [36, 37,38]. Но, хотя Римская империя вынуждена была впервые селить германцев на своей территории, войны все-таки спровоцировали массовые миграции племен, обитавших между Рейном и Вислой, южным побережьем Балтийского моря и Дунаем. В результате Римская империя уступила варварам Десятинные поля (конец III в.), граничащие с Рецией, через которую шли вторжения на Аппенинский полуостров, а также Дакию (270 г.), опорные базы которой прикрывали балканские провинции [39,40,41]. И даже спустя несколько десятилетий Аммиан Марцеллин вынужден был с болью констатировать эти факты стратегических потерь. «По всему римскому миру, словно по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайшие к ним границы. Галлию и Рецию одновременно грабили аламанны, сарматы и квадры – обе Паннонии; пикты, саксы, скотты и аттакотты терзали непрерывными бедствиями Британию; австорианы и другие племена мавров сильнее обычного тревожили Африку; Фракию грабили разбойничьи шайки готов. Царь персидский пытался наложить свою руку на армян» [27, XXVI, 4, 5–6].

Экспозиция передвижений «свирепых народов» в письменных источниках представлена различными типами мобильности: переселение племен, движение отдельных дружин, профессиональная миграция (телохранители императоров), деловая миграция (ремесленники и купцы). Возник своеобразный миграционный стандарт, который включал сценарий поведения переселенцев в стереотипных ситуациях (походы, вторжения, переговоры) и стандартный набор их претензий. Различная степень зависимости от римского мира и соседних племен стимулировала консолидацию, высшим проявлением которой было образование «больших» племен аламаннов к югу от Майна, франков на Нижнем Рейне, саксов на Нижней Эльбе, вандалов в Паннонии, готов к северу от Дуная [42 с. 5–26]. Сложилась различные формы расселения германцев в пределах империи (леты, федераты), которые определялись статусом, полученным племенем в результате заключенного мира. В привилегированном положении внутренних федератов были выходцы из

среды «друзей Рима», тогда как подчинившиеся племена поставляли преимущественно колонов и летов.

В выделении мест для расселения германцев Римская империя занимала принципиальную позицию. Выделялись земли в провинциях, реже в Италии, ибо, как утверждал один из римских императоров, помощь германцев римлянам должна быть ощутимой, но невидимой. Следуя старой традиции, вновь прибывавшие племена размещались на периферии римского мира. Здесь они скапливались, и совместное проживание местных жителей и мигрантов постепенно входило в привычку. Племена инкорпорировались в римский мир – от мелких и не очень сильных (наристы, котины, буры, бастарны) до части «больших племен» или племенных союзов (маркоманны, гепиды, асинги, грейтунги). Институт федератов давал возможность переселенцам получать землю, денежное содержание, создавать полунезависимые формирования с собственным управлением и внутренней организацией. Постепенное проникновение их в армию открыло доступ к гражданству и высоким чинам. «Надменное варварство» (*superbus barbarism*), находясь в римской армии, стремительно делало карьеру (Гайна, Фравитта, Аларих, Стилихон, Арбогаст, Рекимер). Миграции меняли германцев, начинал переселение один народ, заканчивал – совсем другой. Также натиск племен обозначил и ускорял со всей определенностью окончательное разделение Римской империи на Западную империю и Восточную.

Гуннский этап передвижения племен

Ситуация все более усложнялась по мере того, как в европейские миграции включались многочисленные кочевые племена Приволжских и Прикаспийских степей. В степном коридоре Северного Причерноморья, на Нижнем и Среднем Дунае в 375–451 гг. господствовали гунны. Появление в Европе кочевников, вошедших в азиатскую историю под именем сюнну (хунну), а в европейскую – гуннов – одно из последствий взаимодействия Ханьской империи и кочевого варварского мира у северных границ империи. Племена сюнну, кочевавшие в Центральной Монголии и степном Забайкалье, тесно связанные с племенами Алтая, Южной и Западной Сибири, совершали грабительские вторжения в Китай. Для обороны от них была построена Великая стена, созданы военные поселения, заключались временные соглашения, и выплачивалась дань. В I в. усилился натиск сюнну на северо-западные границы Китая. Разгромленные империей, лишенные своих исконных кочевий, сюнну в середине I в. разделились: южные – попали

под влияние Китая, северные – ушли на запад, ассимилировались с тюрко- и ираноязычными племенами и стали известны как гунны [43,44,45,3]. В 370 г. они перешли Волгу, покорили в Предкавказье аланов, в 375 г. разгромили остроготов Эрманариха.

На обширном пространстве Великого пояса степей, тянувшегося от Забайкалья до Паннонии, сосредоточились различные кочевые племена, которые создали свой особый миграционный мир. Территория, над которой устанавливался контроль того или иного кочевого сообщества и с которой эти кочевники себя идентифицировали, представляла собой маневренный, воинственный ареал постоянных передвижений. Здесь границей был круг людей, составляющий данное кочевое сообщество, принадлежность к которому определялась отшлифованными на протяжении многих веков нормами родства. Кочевой мир, рассеянная пространственная структура, где евразийский степной коридор – лишь одна из важнейших межконтинентальных артерий, по которой осуществлялись миграции различных племен гуннов, аваров, болгар. Здесь владели различными средствами адаптации к встречавшимся на пути кочевания оседлоземледельческим народам. Кочевой мир жил периодическими набегами, регулярным грабежом, навязанным вассалитетом, данничеством. Сложилось представление о гораздо большей престижности военного промысла, походов и завоеваний в сравнении с мирным трудом, что формировало культ войны, воина-всадника, героизированных предков. В ходе кочевых передвижений создавались племенные конфедерации, вождества, «кочевые империи», сокрушительный эффект которых европейский континент испытывал в течение нескольких столетий. Появление гуннов на Дунае разрушило систему варварских «буферных государств», простимулировало новые миграции германских племен и в реальной исторической практике ускорило сворачивание проекта греко-римской средиземноморской цивилизации.

Стремительный военный марш вандалов, аланов и свевов через Галлию в Испанию, походы готов Алариха в Италию (400–402, 408, 410 гг.), его появление в Риме (410 г.), сражение с Атиллой в «битве народов» на Каталаунских полях (451 г.) производили на современников сильное впечатление и воспринимались многими как крушение империи. В одном из своих сочинений Сидоний открыто и определенно отразил миграционную динамику, предвещая начало грядущего безвременья: «...поднятое внезапным смятением варварство излило весь Север на тебя, Галлия: за воинственным ругом, в сопровождении гелона, следует свирепый гепид; скира побуждает бургунд; вторгся гунн, белонот, невр, бастарн, туринг, бруктер и франк, которого омывает своими волнами заросший камышами Никер; скоро пал Герцинский лес, срубленный секирой на челны,

и покрылся Рен судами; и уже наводящие ужас полчища Аттилы разлились по твоим полям белг» [46, Carm. VII, v. 319–328]. Аммиан Марцеллин описывает происходящее как *victimae populi*, через которое империя уже не раз проходила, двигаясь «от одного ужаса к другому» [27, XXIX. 3, 2].

В IV–V вв. с территории Барбарикума совершался массовый исход здорового, полного сил и энергии населения. Пришедшие в империю осваивались по всей ее территории, создавая на чужой земле свои так называемые «варварские королевства»: бургундов в Юго-Восточной Галлии с центром сначала в Вормсе (413 г.), а впоследствии в Лионе (ок. 457 г.); везеготов в Юго-Западной Галлии с центром в Тулузе (418 г.), позднее в Толедо (601 г.); вандалов в Северной Африке (429–439 гг.); остготовов в Италии (493 г.); франков в Северной Галлии (486 г.). Англы, саксы, юты и фризы в середине V в. завоевали Британию, где в конце VI–VII вв. также основали свои «королевства». В Северной и Средней Италии в 568 г. поселились лангобарды.

Славянский этап массовых миграций

Завершили Великое переселение народов массовые миграции славянских племен [47,48,49]. Славяне, обитавшие в бассейне Вислы во II–IV вв., включились в миграции и достигли Верхнего Поднепровья и Днепро-Дунайского междуречья. Единая общность венедов разделилась на славян (склавен) и антов, шло формирование двух племенных союзов. Появление гуннов и переселение германцев в пределы Римской империи определили дальнейшее направление славянской миграции. В конце IV в. славяне достигли пределов районов нынешней Чехии, в V в. – нынешней Словакии. На рубеже V–VI вв. появились в междуречье Одры и Лабы; во второй половине V в. – на Нижнем и Среднем Дунае. При Юстиниане (527–565 гг.) шло наступление славян на византийские земли (походы 540–542, 545, 547–548, 549 гг.). С 551 г. поддерживаемые аварами и протоболгарами славяне начали массовое освоение земель Балканского полуострова. Обширный славянский мир отличался особой интенсивностью межэтнических контактов, в том числе с балтами, сарматами, германцами, фракийцами и иллирийцами, а также с некоторыми тюркскими племенами. Адаптируясь к миграционному пространству других народов, смешиваясь с ними и усваивая их культуру, славяне не теряли своей идентичности. Их миграционная активность во многом была спровоцирована Византийской империей и движением аваров. Двигаясь на юг и обретая местожительство на Балканском полуострове,

славяне растворили в своей среде тюркоязычных булгар, вступили в контакты с греками, фракийцами, иллирийцами, положив начало южнославянским этносам. Сплошь заселенные славянами области Северной Фракии, Македонии, Фессалии получили название Славинии. На территории бывшей римской провинции Мёзии возникли объединения славян – Семь родов, в 681 г. – Болгарское государство. На Среднем Дунае сложилось объединение славян, возглавляемое франком Само. Часть славян расселилась в пределах Византийской империи в Малой Азии [50,51,52,48].

Заключение

По сравнению со всеми предшествующими миграциями движение народов II–VII вв. отличалось рядом характерных черт. На рубеже новой эры большая часть населения Европы и Азии уже организовалась и прочно осела на определенной территории, сплошь занимая земли, возможности проникновения на которые резко ограничивались. Карты археологических памятников в Европе подтверждают, что даже незначительные перемещения совершались в плотной демографической среде, просочиться между звеньями которой без последствий было уже невозможно. Миграции II–VII вв. утратили характер движения к неизвестному, ибо мигранты хорошо представляли привлекательность и предполагаемые условия жизни в тех местах, куда устремлялись. Несмотря на соперничество, в ходе переселений формировалась солидарность племен, которая объединяла их уже не только в рамках этнической идентичности. В динамике передвижений стала проявляться некоторая организованность, стратегические и тактические расчеты, которыми занимались предприимчивые и ловкие лидеры племен, чьими именами изобилует история II–VII вв. (Эрманарих, Атанарих, Аларих, Аттила, Арбогаст, Рекимер, Гейзерих, Одоакр, Хлодвиг, Теодерих и другие). В истории миграций это был последний массовый исход населения, покидавшего родные места ради расселения на новой территории, действительно соответствующий его названию, – Великое переселение народов, *Die Völkerwanderung*, *The Great Migration*, *Les Grandes Invasions*, *La grande migrazione*.

Великое переселение народов имело весьма значительные последствия как в европейском, так и в азиатском регионе. Прекратила существование Западная Римская империя. В Азии, на Великой равнине, «плавильной печи» китайского этноса, кочевые племена с севера также создали своеобразное «варварское государство», которое добровольно пошло по пути стремительной китаизации. Несмотря на значительные территориальные

потери, в Европе утвердилась и набирала силу Византийская империя. Меняя этно-политическую структуру ойкумены, миграции уничтожили большую часть племенного мира. Одни племена, не выдержав марафона передвижений, погибли, другие ассимилировались более сильными племенами, третьи подверглись романизации и институционализации, трансформировались под влиянием средиземноморской культуры. Также происходила массовая утрата языков. Как известно, языки, отличаясь по структуре и лексическому составу, по способам передачи причинно-следственных связей, чувств и личной ответственности, по-разному формируют способ мышления человека. Выжившие и сохранившие свою идентичность племена германцев и славян, приобретя некоторые стартовые преимущества, расселились от Британии, Галлии и Испании до Финского залива, Верхней Волги и Дона. После Великого переселения народов в европейском Барбарикуме, не знавшем государственного строя, стали формироваться новые государства, новые народности, новая, средневековая, цивилизация.

Литература

1. *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов: этно-политические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2017. 203 с.
2. *Сюй Тао.* Китай и северные варвары (III в. до н. э. – VI в. н. э.) – взаимодействие народов и культур: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1996. 22 с.
3. *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2001. 312 с.
4. *Буданова В.П.* Великое переселение народов как универсальная модель взаимодействия цивилизации и варварства // *Цивилизация.* Вып. 5. М.: Наука, 2002. С. 168–192.
5. *Gracffa Ag.* Völkerwanderung // *Les Barbares / Br. Dumézil (dir.).* P., 2016. P. 1382–1385.
6. *Goffart W.* Roms final conquest: the Barbarians // *History Compass.* 2008. № 6/3. P. 855–883.
7. *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М.: МГУ, 1984. 256 с.
8. *Piganiol A.* L'empire chrétien. P.: Presses universitaires de France. 1947. 446 p.
9. *Bloch M.* Sur les grandes invasions // *Revue de Synthèse.* T. LX. P., 1945. P. 55–81.
10. *Jones A.H.M.* The later Roman Empire. 284–602. A social, economic and administrative survey. Oxford: Basil Blackwell, 1963–1964. Vol. 1–2. 1068 p.
11. *Musset L.* The Germanic invasions. The making of Europe AD 400–600. Pennsylvania: Univ. Park, 1975. 287 p.
12. *Dixon Ph.* Barbarian Europe. Oxford: Elsevier Phaidon, 1976. 151 p.

13. *Demandt A.* Der Fall Roms: Die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt. Munich: C.H. Beck, 1984. 695 s.
14. *Wolfram H.* Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter. Berlin: Siedler, Cop. 1990. 476 s.
15. *Heather P.* The Huns and the end of the Roman Empire in Western Europe // *English Historical Review*. 1995. Vol. 110. № 435. P. 4–41.
16. *Heather P.* The fall of the Roman Empire. A new history of Rome and the Barbarians. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. 592 p.
17. *Ward-Perkins B.* The fall of Rome: and the end of civilization. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. 252 p.
18. *Bowersock G.W., Brown P. Grabar O.* Late antiquity: a guide to the postclassical world. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1999. 780 p.
19. *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н. э. М.: Наука, 2000. 288 с.
20. *Хлевов А.А.* Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб.: Евразия, 2002. 335 с.
21. История Китая / А.В. Меликсетов (ред.). М.: МГУ, 1998. 736 с.
22. *Wolfram H.* Geschichte der Goten. München: Beck, 1980. 495 s.
23. *Bona I.* Das Hunnenreich. Budapest: Corvina, 1991. 294 s.
24. *Goffart W.A.* Barbarians and Romans. A.D. 418–584. Princeton: Princeton Univ. Press, 1980. 278 p.
25. *Goffart W.* Barbarian tides. The migration age and the later Roman Empire. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2006. 372 p.
26. *Дьяконов И.М., Якобсон В.А.* Гражданское общество в древности // ВДИ. 1998. № 1. С. 22–30.
27. *Amianus Marcellinus.* Rerum gestarum libri qui supersunt. Berlin: Akademie Verlag, 1992. 656 s.
28. *Claudius Claudianus.* Works / By M. Platnauer. (English transl). L.; Cambridge, MA: Heinemann; Harvard Univ. Press, 1922. Vol. 2. 432 p.
29. *Eusebius Hieronymus.* Epistulae // *Patrologiae cursus completus. Series latina.* Paris: Migne, 1845. Vol. 22. Col. 355–1224.
30. *Ременников А.М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 145 с.
31. *Ременников А.М.* Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Казань: Казансю гос. пед. ин-т, 1984. 81 с.
32. *Сиротенко В.Т.* История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. Пермь: Пермс. гос. ун-т, 1975. 281 с.
33. *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 544 с.
34. *Ерасов Б.С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 524 с.
35. *Kovács P.* Marcus Aurelius' Rain Miracle and the Marcomannic Wars. Leiden; Boston, MA: Brill, 2009. 301 p.
36. *Васильев Л.С.* Культурные и торговые связи Ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // *Вестник истории мировой культуры*. 1958. № 5. С. 35–53.
37. *Думан Л.И.* Внешнеполитические связи Китая с сюнну в I–III вв. // *Китай и соседи в древности и средневековье*. М.: Наука, 1970. С. 37–50.

38. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т народов Азии АН СССР, 1968. 24 с.
39. *Дряхлов В.Н.* Войны германских племен с Римом и их влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне // ВДИ. 1987. № 2. С.151–168.
40. *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб.: Алетейя, 1999. 320 с.
41. *Kulikowski M.* Rome's gothic wars. From the 3rd century to Alaric. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2007. 237 p.
42. *Колесницкий Н.Ф.* Этнические общности и политические образования у германцев I–V вв. // Средние века. Вып. 48. М.: Наука, 1985. С. 5–26.
43. Китай и соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1970. 275 с.
44. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1. М.: Наука, 1989. 288 с.
45. *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (кон. IV–V вв.). СПб.: Эллипс-Лтд, 1994. 224 с.
46. *C. Sollius Apollinaris Sidonii.* Epistulae et carmina // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. 8. Berolini: Weidmann, 1887. 484 p.
47. *Седов В.В.* Славяне в древности. М.: НПБО «Фонд Археологии», 1994. 344 с.
48. *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М.: Институт археологии РАН, 1995. 416 с.
49. *Гавритухин И.О.* Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. Київ; Чернівці, 2000. Т. 1. С. 72–90.
50. *Иванов С.А.* Оборона Византии и география «варварских» вторжений через Дунай в первой половине VI в. // Византийский временник. 1983. Т. 44. С. 27–47.
51. *Иванова О.В., Литаврин Г.Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.). М.: Наука, 1985. С. 34–98.
52. *Шувалов П.В.* Славяне в середине VI в.: зимние набеги и начало переселения за Дунай // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья. Барнаул: Алтайс. гос. ун-т, 1988. С. 98–107.

References

1. Budanova VP., Gorskii AA., Ermolova IE. Great Migration of Peoples. Ethno-political and social aspects. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.; 2017. 203 p. (In Russ.)
2. Xu Tao. China and the Northern Barbarians (3rd century BC – 6th century AD) – the interaction of peoples and cultures [avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.]. Moscow, MGU, 1996. p. 22. (In Russ.)
3. Kradin NN. Hun Empire. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Logos Publ.; 2001. 312 p. (In Russ.)
4. Budanova VP. The Great Migration of Peoples as a universal model of interaction between Civilization and Barbarity. V: Civilizations. Vol. 5. Moscow: Nauka Publ.; 2002. p. 168-92. (In Russ.)
5. Graceffa Ag. Völkerwanderung. Dumézil Br., dir. *Les Barbares*. Paris, 2016. P. 1382-85.
6. Goffart W. Rome's final conquest: the Barbarians. *History Compass*. 2008;6/3:855-83.

7. Korsunskii AR., Gyunter R. The decline of the Western Roman Empire and the rise of the German Kingdoms. Moscow: MGU Publ.; 1984. 256 p. (In Russ.)
8. Piganol A. L'empire chrétien. Paris: Presses universitaires de France. 1947. 446 p.
9. Bloch M. Sur les Grandes Invasions: quelques positions de problèmes. *Revue de Synthèse*. T. LX. Paris, 1945. p. 55–81.
10. Jones AHM. The later Roman Empire. 284–602. A social, economic and administrative survey. Oxford: Basil Blackwell, 1963–1964. Vol. 1–2. 1068 p.
11. Musset L. The Germanic invasions. The making of Europe AD 400–600. Pennsylvania: University Park, 1975. 287 p.
12. Dixon Ph. Barbarian Europe. Oxford: Elsevier Phaidon, 1976. 151 p.
13. Demandt A. Der Fall Roms: Die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt. Munich: C.H. Beck, 1984. 695 s.
14. Wolfram H. Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter. Berlin: Siedler, Cop. 1990. 476 s.
15. Heather P. The Huns and the end of the Roman Empire in Western Europe. *English Historical Review*. 1995;110(435):4-41.
16. Heather P. The fall of the Roman Empire. A new history of Rome and the Barbarians. Oxford: Oxford University Press, 2006. 592 p.
17. Ward-Perkins B. The fall of Rome: and the end of civilization. Oxford: Oxford University Press, 2006. 252 p.
18. Bowersock GW., Brown P. Grabar O. Late antiquity: a guide to the postclassical world. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. 780 p.
19. Kolosovskaya YK. Rome and the world of tribes on the Danube. 1st–4th centuries AD. Moscow: Nauka Publ.; 2000. 288 p. (In Russ.)
20. Khlevov A. The precursors of the Vikings. The Northern Europe in 1st–2^d centuries. Saint Petersburg: Evraziya Publ.; 2002. 335 p. (In Russ.)
21. Meliksetov AV., ed. The history of China. Moscow: MGU Publ.; 1998. 736 p. (In Russ.)
22. Wolfram H. Geschichte der Goten. München: Beck, 1980. 495 s.
23. Bona I. Das Hunnenreich. Budapest: Corvina, 1991. 294 s.
24. Goffart W.A. Barbarians and Romans. A.D. 418–584. Princeton: Princeton University Press, 1980. 278 p.
25. Goffart W. Barbarian tides. The migration age and the later Roman Empire. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006. 372 p.
26. D'yakovon IM., Yakobson VA. Civil Society in Antiquity. *VDI*. 1998;1:22-30. (In Russ.)
27. Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt. Berlin: Akademie Verlag, 1992. 656 s.
28. Claudius Claudianus. Works. Platnauer M., English transl. London; Cambridge, MA: Heinemann; Harvard University Press, 1922. Vol. 2. 432 p.
29. Eusebius Hieronymus. Epistulae. *Patrologiae cursus completus. Series Latina*. 1845;22: 355–1224.
30. Remennikov AM. The Struggle of the tribes of the Northern Black Sea area with Rome in the 3^d century. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ.; 1954. 145 p. (In Russ.)
31. Remennikov AM. The Struggle of the tribes of the Northern Danube and Transnistria with Rome and its role in the fall of the Roman Empire. Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute Publ.; 1984. 81 p. (In Russ.)

32. Sirotenko VT. The History of international relations in Europe during the second half of the 4th century – the beginning of the 6th century. Perm': Permskii gosuniversitet Publ.; 1975. 281 p. (In Russ.)
33. Budanova VP. Barbarian World in the Epoch of the Peoples Great Migration. Moscow: Nauka Publ.; 2000. 544 p. (In Russ.)
34. Erasov BS. Civilization. Universals and the originality. Moscow: Nauka Publ.; 2002. 524 p. (In Russ.)
35. Kovács P. Marcus Aurelius' Rain Miracle and the Marcomannic Wars. Leiden; Boston, MA: Brill, 2009. 301 p.
36. Vasiliev LS. Cultural and trade relations of Han China with the peoples of Central and Middle Asia. *Vestnik istorii mirovoi kul'tury*. 1958;5:35–53. (In Russ.)
37. Duman LI. The foreign policy of China's Relations with the Sunnu in 1st-3^d centuries. V: China and its neighbors in Antiquity and the Middle Ages. Moscow: Nauka Publ.; 1970. p. 37-50. (In Russ.)
38. Taskin VS. Materials on the history of Sunnu (according to Chinese sources) [avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.]. Moscow, In-t narodov Azii AN SSSR, 1968. 24 p. (In Russ.)
39. Dryakhlov VN. Wars of German Tribes with Rome and their Impact on the Development of German Society on the Rhine. *VDI*. 1987;2:151-68. (In Russ.)
40. Budanova VP. Goths in the Era of the Great Migration of Peoples. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.; 1999. 320 p. (In Russ.)
41. Kulikowski M. Rome's gothic wars. From the 3rd century to Alaric. New York: Cambridge University Press, 2007. 237 p.
42. Kolesnitskii NF. Ethnic communities and political units of the Germans (1st-5th centuries). Middle Ages. Vol. 48. Moscow: Nauka Publ.; 1985. p. 526. (In Russ.)
43. China and its neighbors in Antiquity and the Middle Ages. Moscow: Nauka Publ.; 1970. 275 p. (In Russ.)
44. Materials on the history of Nomadic Peoples in China 3^d-5th centuries. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ.; 1989. 288 p. (In Russ.)
45. Zaset'skaya IP. Culture of the Nomads of Southern Russian Steppes in the Hun Epoch (the late. 4th-5th centuries). Saint Petersburg: Ellips-Ltd Publ.; 1994. 224 p. (In Russ.)
46. C. Sollius Apollinaris Sidonii. Epistulae et carmina // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. 8. Berolini: Weidmann, 1887. 484 p.
47. Sedov VV. Slavs in Ancient Times. Moscow: NPBO "Fond Arkheologii" Publ.; 1994. 344 p. (In Russ.)
48. Sedov VV. Slavs in the Early Middle Ages. Moscow: Institut arkheologii RAN Publ.; 1995. 416 p. (In Russ.)
49. Gavritukhin IO. The beginning of the Great Slavic Settlement on the South and West. V: Археологічні студії. Київ; Чернівці, 2000. Т. 1. p. 72-90. (In Russ.)
50. Ivanov SA. The defense of the Byzantine Empire and the Geography of Barbarian Invasions across the Danube in the first half of 6th century. *Vizantiiskii vremennik*. 1983;44:27-47. (In Russ.)
51. Ivanova OV., Litavrin GG. Slavs and Byzantium. V: Early Feudal States in the Balkans (6th– 12th centuries). Moscow: Nauka Publ.; 1985. p. 34-98. (In Russ.)
52. Shuvalov PV. Slavs in the Middle of the 6th century.: Winter Raids and the Beginning of Migration Beyond the Danube. V: Issues of the History of the State and the Ideology of Antiquity and the Early Middle Ages. Barnaul: Altaiskii gos. Universitet Publ.; 1988. p. 98-107. (In Russ.)

Информация об авторе

Вера П. Буданова, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32А; vrbudanova@yandex.ru

Information about the author

Vera P. Budanova, Dr. of Sci. (History), professor, chief researcher of the Department of Historical and Theoretical Research, head of the Laboratory of Research of Civilization and Barbarity of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32A, Leninskii Prospect, Moscow, Russia, 119334; vrbudanova@yandex.ru

«Сабинская тема» и начало Рима в сочинении Тита Ливия

Ольга В. Сидорович

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия, osidorovich@hse.ru*

Аннотация. Начало Рима в канонической версии римской истории, представленной в сочинении Ливия, растянулось на три века. Ключевыми событиями этого процесса были основание Рима Ромулом и установление политического режима *respublica*, причем активными участниками этих событий были сабиняне. Их присутствие в традиции представлено соправительством с Ромулом сабинского царя Тита Тация, учреждением жреческой коллегии содалов Тициев и переселением в Рим из сабинской земли рода Клавдиев в начале Республики. Когда «сабинская тема» начала утверждаться в исторической традиции и какие реальные исторические события римской жизни она отражала? Статья посвящена ответам на эти вопросы.

Ключевые слова: Ливий, Ромул, Тит Таций, сабиняне, *sodales Titii, gens Claudia*

Для цитирования: Сидорович О.В. «Сабинская тема» и начало Рима в сочинении Тита Ливия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. Ч. 2. С. 197–207. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-197-207

The “Sabine topic” and the beginning of Rome in Livy’s work

Olga V. Sidorovich

*National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russia, osidorovich@hse.ru*

Abstract. The beginning of Rome in Livy’s work covers three centuries in a row. The key events in that process were the foundation of the city by Romulus and the establishment of a political regime of *respublica* with the Sabins being participants in those events.

The presence of that people in Roman history is reflected in a Sabine named Titus Tatius who shared for a time royal power with Romulus, in the founding

a sacerdotal collegia of the sodales Titii and in the resettlement of the Claudian family from the Sabine land to Rome at the beginning of the Republic. When the “Sabine topic” began to penetrate into annalistic tradition? What kind of real historical events were reflected in it? In this article the author tries to answer these questions.

Keywords: Livy, Romulus, Titus Tatius, the Sabines, *sodales Titii*, *gens Claudia*

For citation: Sidorovich OV. The “Sabine topic” and the beginning of Rome in Livy’s work. *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary criticism. Linguistics. Cultural Studies” Series*. 2019;2:197-207. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-197-207

Римская историческая традиция прошла долгий путь становления: от Фабия Пиктора (конец III в. до н. э.) до Тита Ливия, который жил и работал на рубеже эпох. Длительное формирование традиции сказалось на изображении истории древнейшего Рима и привело к формированию в европейской науке Нового времени ее критического восприятия. В свою очередь, понятие критического метода, применяемого по сей день к работе с римской исторической традицией, не оставалось неизменным на протяжении последних двух веков. Начиная с Нибура предпринимались попытки воссоздать реальные исторические процессы, проходившие в Риме и его окрестностях, которые увенчались положительными результатами¹. Работа историка с ливианской традицией была сродни работе археолога, который, снимая многовековые напластования слой за слоем, предъявляет научному сообществу артефакт в его первоизданном виде. Каждый исследователь стремился найти свой (и, как ему казалось, единственно правильный) подход к работе с ливианской традицией, но количество вопросов к ней не уменьшалось со временем. Результатом этого процесса стало осознание того факта, что проблема достоверности римской исторической традиции не может быть решена с помощью единственно правильного метода, поскольку особенности ее формирования (длительного по времени и включившего в результате противоречивые версии) не позволяют исследователям прийти к общему знаменателю.

Уже в древности начальная история Рима была предметом дискуссии, следы которой можно обнаружить и в исторических

¹ Становление критического метода в европейской науке XIX в. связано с именами трех немецких ученых: Б. Нибура [1], Т. Моммзена [2] и А. Шwegлера [3]. В современной англоязычной историографии положительные результаты от применения критического метода можно видеть в работах Т. Корнелла [4], Р. Митчелла [5], Г. Форсайта [6] и К. Смита [7]

экскурсах в трактатах Цицерона², и в сочинении Ливия³, а его последователи добавляли свои аргументы «за» или «против» того, что они считали достоверным. Можно сказать, что первым серьезным критиком римской исторической традиции являлся сам Ливий – автор ее канонической версии. Как в таком случае поступать современному исследователю? Следует ли выбирать из имеющихся версий ту, которая, с его точки зрения, больше всего отражает историческую реальность? Но тогда куда деть те версии, которые не укладываются в создаваемую картину? Сформулированные вопросы усложняют задачу исследователя, которому предстоит не выбрать что-то одно из многого, но объяснить появление различных версий, их роль и смысловую нагрузку, которую они несут в повествовании древнего автора. Попробуем подойти с подобной установкой к обозначенной теме.

Присутствие сабинян у истоков римской истории оставило свой след в ливианской традиции в соправительстве Ромула и сабинского царя Тита Тация, которое завершило конфликт двух племен, вошедший в историю под названием «похищение сабинянок», появлении жреческой коллегии содалов Тициев и в переселении в первые годы существования Республики рода Клавдиев в Рим из сабинской земли. Эти свидетельства римской традиции сформировали устойчивое представление об этническом (латино-сабинском) дуализме римского народа от начала его истории. Наша задача сводится к тому, чтобы рассмотреть эти эпизоды ливианского повествования и не просто определить, отражают ли они историческую реальность, но какую реальность они отражают, когда могли появиться в традиции и какую смысловую нагрузку в ней несли.

С именем Ромула связано не только основание города, но и создание особой политической общности под названием римский народ (*populus Romanus Quirites / Quiritium*). Согласно традиции римский народ получил свое название и обрел политическое единство в результате распределения по куриям после похищения сабинянок. Ливий (1.13.6–8) устанавливает такую последовательность событий: по завершении войны между римлянами и сабинянами Ромул разделил народ на 30 курий, дав им имена сабинских женщин, а сабинский царь Тит Таций стал править совместно с Ромулом. То есть в сочинении Ливия представлен тот вариант традиции, в котором отстаивалось изначальное присутствие

² См., например, критические замечания Цицерона о традиционных рассказах, встречающиеся во второй книге его трактата «О государстве» (Cic. *De rep.* 2.4, 18–19, 28, 33, 53–54).

³ *Liv.* 4.20, 29, 61; 6.38; 9.44; 10.26.

сабинян в составе римского населения. В этом отношении Ливий существенно отличается от Цицерона (Deger. 2.4–5), для которого население раннего Рима уже было многочисленным, а похищение сабинянок всего лишь предлогом для войны с соседями (*Cic. Deger.* 2.12–13).

Современник Цицерона Марк Теренций Варрон в передаче Дионисия Галикарнасского (2.47.4) сохранил иную, отличную от ливиевой, традицию происхождения названия курий и времени их возникновения: курии появились еще до похищения сабинянок как обозначение социальной группы и места одновременно. Свои названия курии получили «по тем людям, кто был там вождем» (т. е. речь идет, конечно же, о мужчинах, но никак не о женщинах), частично – по пагам (территориальным единицам). В то же время Варрон признает участие женщин в примирении двух народов. Из данного отрывка следует, что и Варрон, и Цицерон являются приверженцами той версии, которая представляет римский народ сложившимся еще до похищения сабинянок, и потому версия названия курий именами сабинских девушек их не устраивает, хотя она имела хождение в сочинениях других авторов (в частности, спорным был вопрос о числе сабинских женщин (30, 527 или 683)⁴, участвовавших в посольстве). Обоим авторам трудно принять связь названий курий с именами сабинских девушек, тогда как Ливий (1.13.6) говорит об этом с уверенностью. Что заставило историка (хотя он был знаком с иными версиями) принять в качестве единственно правильной заведомо неверную версию?

Прежде всего следует обратить внимание на то, что все авторы Поздней республики видели в куриях важнейший структурный элемент Ромуловой конституции. Можно предположить, что антикварные штудии Варрона положили начало подобной традиции их осмысления в сочинениях римских историков.

По мнению современных исследователей, с куриями этимологически связано одно из обозначений римского народа как квиритов [8 р. 147–156, 9 р. 156–160], хотя античные авторы единодушно возводили термин «квириты» к названию сабинского города Куры, откуда происходил соправитель Ромула Тит Таций (*Liv.* 1.13.5; *Fest.* P. 304L; *Ovid. Fast.* 2.475; *Serv. Aen.* 7.710). Эта этимология выдает свое легендарное происхождение. В античной энциклопедической традиции (*Paul – Fest.* P.43L, P. 55L) сохранилась иная версия, которая связала название римлян как квиритов с сабинским словом *curis*, идентичным латинскому *hasta* (копье). Следовательно, термин «квириты» обозначал членов курий как древнейшее рим-

⁴ Эти цифры приводит Плутарх (*Rom.* 14) со ссылкой на свои источники.

ское войско и только после оформления центуриатной организации был перенесен на римский народ в целом. Можно ли уточнить время этого процесса? В период, обозначенный римскими авторами как республика, начало которого они отнесли к 509 г., в их же изложении продолжают свою активную деятельность куриатные комиции, которые решают важные для жизни коллектива вопросы: народ собирается по куриям для обсуждения обострившегося долгового вопроса (*Liv.* 2.28.4), и именно курии, судя по всему, избрали первых плебейских трибунов; куриатные комиции вернули из ссылки Камилла (*Liv.* 5.46.10) (т. е. восстановили его гражданский статус). Последнее произошло в 390/389 г. до н. э., значит, и в первое десятилетие IV в. до н. э. в Риме по-прежнему действует куриатная организация. Таким образом, у нас нет оснований утверждать, что курии были частью той политической системы, которая, если принять традиционное время перехода к республике, давно отошла в прошлое. Появление курий вряд ли было связано с римско-сабинским синойкизмом эпохи Ромула, а сами они оставались действующим институтом в течение V–IV вв. до н. э.

С похищением сабинянок связан образ сабинского царя Тита Тация, который стал править в Риме вместе с Ромулом. Интересно, что конфликт Рима с сабинянами всколыхнул население ближайших к Риму городков: Ценнины, Крустумрия, Антемы (*Liv.* 1.10.2). Их жители ищут защиты у Тация. Ливий (1.9.8–9) и другие античные авторы дают информацию о происхождении этих населенных пунктов, которая позволяет говорить об их латинских корнях⁵. Поэтому обращение латиня за помощью к Титу Тацию делает его фигуру как сабинского царя спорной. Далее Ливий (1.14.2) рассказывает о том, что Таций «явился в Лавиний на ежегодное жертвоприношение», но был убит толпой. Тесные культовые связи Рима и Лавиния установились после 338 г. до н. э. и выразились в ежегодном жертвоприношении Весте и пенатам, которое совершали диктаторы, консулы и преторы, вступая в должность. Ливий отнес эту практику к более раннему времени, что отразилось в рассказе о смерти Тация в Лавинии. Это обстоятельство выдает позднее происхождение традиции о смерти Тация, что, однако, никак не умаляет роль Лавиния как крупного культового центра на территории древнейшего Лация [10 с. 36].

⁵ Ценина и Крустумерий упоминаются Плинием Старшим (3.68) как населенные пункты, рано поглощенные Римом, а Антемы как получатель жертвенного мяса на Альбанской горе. Дионисий (2.36.2) называет Крустумерий выселками альбанцев, а Антемы – городом, основанным аборигенами (1.16.5). Страбон (5.3.2) включил Антемы в число маленьких альбанских городков, находившихся в непосредственной близости от Рима.

От этой поздней традиции отличается небольшая заметка о смерти Тация у Варрона (L.L. 5.152), которая представляет собой этиологический миф. Антиквар объясняет происхождение названия места Лаврент на Авентине как результат того, что там был похоронен Таций, убитый лаврентцами. Город Лаврент не имеет точной локализации. Он, очевидно, располагался между реками Тибром и Нумиком и был частью территории, на которую распространялось влияние другого древнего латинского города – Лавиния. Близость более сильного соседа сказалась на раннем исчезновении Лаврента, и в историческое время уже не было четкого различия между двумя топонимами «Лаврент» и «Лавиний», что привело впоследствии к укоренению названия «Лавролавиний» [11 S. 1008–1009]. Поэтому версия Варрона, который связал смерть Тита Тация с лаврентинцами, отражает более ранний этап формирования мифа о сабинском царе как части мифа о возникновении Рима и предшествует его вариации в сочинении Ливия. Лавиний был древнейшим латинским городом с общими для всех латинян святынями. Его основание приписывалось Энею⁶. Поэтому появление Тация в одном из латинских культовых центров может свидетельствовать о том, что он не только не был чужаком для латинян, но явился на жертвоприношение как царь и одновременно сакральный глава одной из латинских общин, расположенной по соседству с Палатинским городом римлян. Поможет ли это определить этническую принадлежность содалов Тициев, которые рассматриваются исследователями как религиозное братство сабинского происхождения, аналогичное римским авгурам [12 p. 379]?

Птица, которую наблюдали содалы, назвалась *titus*, откуда произошло личное имя Тит. Считалось, что эта птица подает хорошие знаки. По мнению Р. Палмера [13 p. 192], от *titus* происходит прилагательное *titinus*, которое в сочетании с другим прилагательным *mutinus* было именем божества. Божество *Mutinus Titinus* фигурировало в составленном Варроном перечне богов, близких Юпитеру⁷. Современные исследователи римской религии согласны с тем, что Мутин Титин символизировал плодородие [14 p. 267]. Считается, что это божество имело двойную природу: оно было связано с дарованием плодородия земле и живым существам, но также ассоциировалось с ауспикальной птицей *titus* [13 p. 187, 189, 205]. По всей видимости, это божество было связано с сопровождавшими культ плодородия ауспикальными действиями, за которые отвечали содалы Тиции. Имена с основой *tit-* были

⁶ *Liv.* 1.1.11; *Dionys.* 1.55–60; 5.12.3; 8.49.6; *Strabo* 5.229; *Plut. Cor.* 29; *Val. Max.* 1.8.8.

⁷ *Aug. C.D.* 4.11; *Tert. Adnat.* 2.11.11–12, 17.3.

распространены в местах расселения пеласгов и имели значение «царь» [15 с. 85–86]. Это согласуется с изображением Тита Тация в римской исторической традиции как лица, облеченного царской властью. Можно предположить, что он был сакральным главой (наподобие римского *rex sacrorum*) той латинской общины, которая на заре римской истории связала свою судьбу с поселением на Палатине. Как и основатель Рима Ромул, этот царь исполнял авгурские обязанности и отвечал за интерпретацию знаков, исходивших от какой-то определенной птицы, которую стали именовать «царской птицей» (*titus*). По всей видимости, здесь мы сталкиваемся со случаем этимологического переноса, когда лексическая основа, означающая царя, стала прочно ассоциироваться с некой птицей, подававшей при полете знаки, интерпретация которых была личной монополией царя. Вокруг фигуры сакрального царя формировался штат помощников-содалов, организованных на гентильной и амикальной основе. Подобные религиозные сообщества, сведущие в искусстве авгурий, очевидно, существовали в каждом сельском округе, обеспечивая своей деятельностью потребность жителей догородского Рима в инаугурационной защите урожая⁸. Накопленный ими опыт не выходил за пределы их сообществ. Но в письменную традицию вошли только *sodales Titii*, очевидно благодаря рано устоявшейся их этимологической связи с сабинским царем Титом Тацием [16 с. 130]. Можно предположить, что содалы Тиции представляли древнейший пласт латинского жречества, практиковавшего ауспicii. С присоединением некогда самостоятельной общины к территории Палатинского города и учреждением коллегии авгуров как общеримского религиозного института эта коллегия потеряла самостоятельное значение.

Переселение сабинского рода Клавдиев в Рим связано с рождением республики. Это событие для римлян по своей важности было сродни основанию города Ромулом. Отсюда берет свое начало *libertas*, на которой основывалась система ценностей гражданского коллектива. Здесь опять появляются сабиняне в лице Клавдиев. Уже Т. Моммзен [2 Bd.1. S. 293] отметил, что позднее появление Клавдиев в Риме можно считать вымыслом: они занимали высокое положение в политической жизни города, получив в 495 г. до н. э. одно из консульских мест, их именем была названа сельская триба (триба Клавдии). Эту же точку зрения принимает комментатор текста Ливия Р. Огилви [17 р. 273–274]. Ливий (2.16.4–5)

⁸ О существовании у авгуров подобных обязанностей можно говорить, опираясь на свидетельство Павла Диакона (*Paul-Fest. P. 250 L. s.v. Vermisera*), упоминающего связанные с севом авгурии (*vermisera*).

очень осторожен в установлении связи между двумя событиями (переселением рода и появлением трибы с его именем): либо триба состояла только из Клавдиев и потому получила их имя, либо она включала и других поселенцев из тех же мест и они стали называться старой Клавдиевой трибой (*vetus Claudiatribus*). Дионисий (5.40.5) разделяет во времени переселение Клавдиев и организацию трибы Клавдии: последнее случилось значительно позже их переселения. А. Альфёльди [18 р. 160] отнес время возникновения триб с родовыми именами, в том числе и Клавдиевой трибы, к 426 г. до н. э. Патрицианские Клавдии принадлежали трибе *Quirina* и *Palatina*. Последняя полностью изменила свой первоначальный социальный состав в пользу деклассированных элементов только в эпоху Поздней республики. На этом основании включение Клавдиев в Палатинскую трибу можно отнести к глубокой древности [18 р. 160]. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что Клавдии принадлежали древнейшему населению Рима⁹. Но традиция все-таки настаивает на том, что они были переселенцами из сабинской земли и даже называет их родной город Инрегилл (*Liv.* 2.16.4) или Регилл (*Suet.* Tib. 1.1). Сабинское происхождение Клавдиев не раз подвергалось сомнению. Основанием для этого служила топография Клавдиевой трибы, территория которой не могла быть сабинской, так как отделялась от собственно сабинской земли Крустуминской трибой [20 S. 473]. В данном случае следует все же обратиться к традиции, которая в вопросе места происхождения Клавдиев (Инрегилл/Регилл), несомненно, основывалась на семейном предании. Но являются ли эти города сабинскими? Их названия созвучны с названием Регилльского озера, где в 496 г. до н. э. произошло первое серьезное военное столкновение римлян с латинами. Ливий (2.19.3) локализует Регилльское озеро в тускуланской земле, т. е. в границах Лация, к югу от Рима. Очевидно, этот район Лация и был родиной Клавдиев, откуда они переселились в Рим достаточно рано, чтобы попасть в число старших родов римского патрициата (*gentes maiores*), представители которых занимали ведущее положение в сенате (*principessenatus*).

Итак, Ливий делает «сабинскую тему» неотъемлемой частью ключевых эпизодов римской истории: основания города и уста-

⁹ У Клавдиев существовало семейное предание об их переселении в Рим в эпоху Ромула (*Suet.* Tib. 1.1). Т. Вайзман [19 р. 59–65] считает, что эта дата появилась в правление императора Августа. Разноречивые сведения о традиции, вероятно, объясняются тем, что предание о переселении Клавдиев существовало вне связи с определенным временем и только позже в анналистических произведениях было приурочено ко времени образования трибы Клавдии.

новления политического режима республики. Позднее появление Клавдиев в Риме, синхронное началу республики, не согласуется с отраженным в традиции их высоким положением и влиянием, которое они имели в Риме в ту эпоху. В этом эпизоде отражено желание представить Клавдиев последовательными «республиканцами», приверженцами *libertas*: неслучайно Ливий подчеркивает, что они пришли в Рим только после ликвидации тиранического режима Тарквиниев. Расположение Клавдиевой трибы в приграничных районах древнего *ager Romanus* делало появление Клавдиев из сабинской земли возможным, но традиция сохранила косвенные свидетельства, указывающие на их происхождение из района латинского Тускула.

Наконец, следует ответить на гравный вопрос: когда стала оформляться «сабинская тема» в историографии и почему Ливий связал ее с ключевыми событиями римской истории. Истоки этого процесса можно отнест к началу III в. до н. э. и связать с военными победами Манья Курия Дентата, который в 290 г. до н. э. получил триумф за победу над сабинянами¹⁰. В результате сабиняне стали интегрироваться в римскую общину. Поначалу они имели статус *cives sine suffragio*, но получили полное гражданство между 268 и 241 гг. до н. э. Термин «квириты» изменил свое содержание: потеряв связь с обозначением исключительно древнейшего населения Рима, он распространился и на новых переселенцев – сабинян, став обозначением политического единства обоих народов. «Сабинская тема» представляла интерес уже для Фабия Пиктора и Цинция (*Dionys.* 2.38.3): они считали, что любовь к богатству римляне восприняли от сабинян. Ко времени Ливия представление о сабинянах как неотъемлемой части римского народа утвердилось окончательно и должно было занять соответствующее место в историческом повествовании. А то, что для римлян II – I вв. до н. э. было неоспоримым фактом, то и существовало от начала их истории, которую они начинали либо от основания Города, либо от установления республики.

Литература

1. Niebuhr B.G. Römische Geschichte. Braunschweig, 1811–1832. Bd. 1–3.
2. Mommsen Th. Römische Forschungen. Braunschweig, 1864. Bd. 1–2.
3. Schwieger A. Römische Geschichte. Tübingen, 1870–1884. Bd. 1–2.
4. Cornell T.J. The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). L., 1995.

¹⁰ Cic. De sen. 55; Val. Max. 4.3.5; Flor. 1.10.2–3.

5. *Mitchell R.E.* Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Ithaca, 1990.
6. *Forsythe G.* A critical history of Early Rome. From prehistory to the first Punic War. L., 2005.
7. *Smith C.J.* The Roman clan. The gens from Ancient ideology to modern anthropology. Cambridge, 2006.
8. *Binder J.* Die Plebs: Studien zur römischen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1909.
9. *Palmer R.E.A.* The Archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970.
10. *Smith Ch.* The Religion of Archaic Rome // A Companion to Roman Religion / J. Rüpke (ed.). Oxford: Blackwell Publ. Ltd., 2007.
11. *Philipp.* Lavinium // PWRE. Stuttgart, 1924. Bd.12.1.
12. *Catalano P.* Contributi allo studio del deritto augurale I. Torino, 1960.
13. *Palmer R.E.A.* Roman Religion and Roman Empire. Five essays. Philadelphia, 1974.
14. *Hersh K.K.* The Roman wedding. Ritual and meaning in antiquity. Cambridge, 2010.
15. *Немировский А.И.* Этруски. От мифа к истории. М., 1983.
16. *Meyer J.Ch.* Pre-Republican Rome. An analysis of the cultural and chronological relations 1000–500 BC. Rome, 1983.
17. *Ogilvie R.M.* A commentary on Livy books 1–5. Oxford, 1965.
18. *Alföldi A.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965.
19. *Wiseman T.P.* Clío's cosmetics: Three studies in Greco-Roman literature. Leicester, 1979.
20. *Schur W.* Fremder Adel in römischen Staat der Samniter Kriege // Hermes. 1925. Bd. 59.

References

1. Niebuhr BG. Römische Geschichte. Braunschweig, 1811–1832. Bd. 1–3.
2. Mommsen Th. Römische Forschungen. Braunschweig, 1864. Bd. 1–2.
3. Schwegler A. Römische Geschichte. Tübingen, 1870–1884. Bd. 1–2.
4. Cornell TJ. The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). London, 1995.
5. Mitchell RE. Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Ithaca, 1990.
6. Forsythe G. A critical history of Early Rome. From prehistory to the first Punic War. London, 2005.
7. Smith CJ. The Roman clan. The gens from Ancient ideology to modern anthropology. Cambridge, 2006.
8. Binder J. Die Plebs: Studien zur römischen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1909.
9. Palmer REA. The Archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970.
10. Smith Ch. The Religion of Archaic Rome // A Companion to Roman Religion / J. Rüpke (ed.). Oxford: Blackwell Publ. Ltd., 2007.
11. Philipp. Lavinium // PWRE. Stuttgart, 1924. Bd.12.1.
12. Catalano P. Contributi allo studio del deritto augurale I. Torino, 1960.
13. Palmer REA. Roman Religion and Roman Empire. Five essays. Philadelphia, 1974.
14. Hersh KK. The Roman wedding. Ritual and meaning in antiquity. Cambridge, 2010.
15. Nemirovskii AI. The Etruscans. From Myth to History. Moscow, 1983. (In Russ.)
16. Meyer JCh. Pre-Republican Rome. An analysis of the cultural and chronological relations 1000–500 BC. Rome, 1983.
17. Ogilvie RM. A commentary on Livy books 1–5. Oxford, 1965.

18. Alföldi A. Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965.
19. Wiseman TP. Clio's cosmetics: Three studies in Greco-Roman literature. Leisester, 1979.
20. Schur W. Fremder Adel in römischen Staat der Samniter Kriege // Hermes. 1925. Bd. 59.

Информация об авторе

Ольга В. Сидорович, доктор исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20, osidorovich@hse.ru

Information about the author

Olga V. Sidorovich, Dr. in Sci. (History), associate professor, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia; 20 bld., Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russia; osidorovich@hse.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Т.Ю. Журавлева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 18.03.2019.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 5,2. Усл. печ. л. 6,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 547

Издательский центр

Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Мнусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru